

РАНТАНЕН, ЛАУРА:

**Политическая риторика и аргументация:
Лингвориторический анализ.**

Университет г. Тампере
Институт современных языков и
переводоведения
Славянская филология
Дипломная работа
Сентябрь 2006-го г.

Tampereen yliopisto

Slaavilainen filologia, ensisijaisesti nykyvenäjä
Kieli- ja käännöstieteiden laitos

RANTANEN, LAURA: Poliitičeskaja ritorika i argumentacija: lingvoritoričeskij analiz. /
Poliittinen retoriikka ja argumentaatio: kielellisretorinen analyysi.

Pro gradu –tutkielma, 66 s. + 13 liites.

Syyskuu 2006

Tutkielma tarkastelee poliittista puhetta vaikuttamisen keinona. Työssä on pyritty tutkimaan poliittisen retoriikan ja argumentaation erityispiirteitä: miten se toimii ja kuinka poliitikot käyttävät sitä vakuuttaakseen yleisönsä asiansa oikeellisuudesta. Totalitaarisen systeemin romahduksen jälkeen myös Venäjällä poliitikot ovat riippuvaisia kansasta – äänestäjistä – mistä seuraa, että poliittisen toimijan on *kohdattava* yleisönsä. Tämä kohtaaminen tapahtuu argumentaation kautta. Loogisen päättelyn ja argumentaation perusero on juuri yleisön keskeinen asema argumentaatiossa. Hyvä argumentti vakuuttaa sen, kenelle se on tarkoitettu. Poliittisen tekstin perustavoite on muutos yleisössä. Pelkkä mentaalinen muutos ei riitä: poliittinen teksti pyrkii *mobilisoimaan* yleisön jonkun tietyn näkökulman kannattajaksi.

Tämä työ tutkii niitä keinoja, joiden avulla poliittinen puhuja pyrkii vakuuttamaan yleisönsä. Näitä ovat esimerkiksi erilaiset argumentaatiotekniikat, todistukset, kielelliset strategiat, metaforat ja muut retoriset keinot. Toisin kuin Neuvostoliitossa, nykypäivän Venäjällä vallitsee poliittinen moniäänisyys, jossa eri poliittiset ideologiat käyttävät niille tyypillistä sanastoa ja retoriikkaa. Myös vallanpitäjillä on oma kielensä. Poliittinen ajattelu ja formaaliset keinot ovat aina sidoksissa toisiinsa.

Tutkielman empiirisessä osassa analysoidaan kahta poliittista tekstiä teoriaosassa käsiteltävän aineiston pohjalta. Molemmat tarkasteltavat tekstit – Venäjän kommunistisen puolueen puheenjohtajan G.A. Zjuganovin ”My mozhem slomit’ terrorizm” ja liberaalipuolue Jablokun puheenjohtajan G.A. Javlinskijn ”Što slučilos’ s Rossiej?” – käsittelevät Beslanissa, Etelä-Venäjällä, 1.9.2004 tapahtunutta panttivankidraamaa ja pohtivat yleisesti venäläisen yhteiskunnan tilaa terrori-iskun kautta. Venäjän poliittisessa historiassa usein toistetut kysymykset ”mitä tehdä?” ja ”kuka on syyllinen?” antavat leimansa näillekin teksteille.

Tutkielmasta käy ilmi, että Zjuganov ja Javlinskij käyttävät ideologialleen tyypillistä retoriikkaa sekä argumentaatiotekniikoita. Zjuganovin teksti perustuu vastakkainasettelulle, jossa absoluuttista ”Hyvää” edustaa Neuvostoliitto ja ”Pahaa” nyky-Venäjän vallanpitäjät. Zjuganov vetoaa retoriikassaan voimakkaasti yleisönsä tunteisiin, ja hänen argumentaationsa perusta on kielikuvissa. Javlinskijn lähestymistapa on pohdiskelevampi, pragmaattisempi ja vähemmän poleeminen. Hän vetoaa ensisijaisesti lukijan etiikkaan ja järkeen, ja hänen vihollisensa on abstrakti ”nykysysteemi”. Samalla tekstin vaikuttavuus kärsii. Javlinskijn poliittinen intentio jääkin hieman epäselväksi, kun taas Zjuganovilla se on selkeästi valtaan pääsy.

ВВЕДЕНИЕ	1
1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	3
1.1. РАСПАД ТОТАЛИТАРНОЙ ИДЕОЛОГИИ	3
1.2. ТОТАЛИТАРНЫЙ И АНТИТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК	3
1.3. ГЛАСНОСТЬ VS. СВОБОДА СЛОВА	4
1.4. ПОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ	5
2. РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ	6
2.1. ТИПЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	7
2.1.1. Доводы к логосу	7
2.1.2. Доводы к пафосу	8
2.1.3. Доводы к этосу	9
2.2. ПРЕДПОСЫЛКИ АРГУМЕНТАЦИИ	9
2.3. АССОЦИАТИВНЫЕ И ДИССОЦИАТИВНЫЕ ТЕХНИКИ АРГУМЕНТАЦИИ	10
3. АДРЕСАТ И УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ АРГУМЕНТАЦИИ	13
3.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДОГОВОРЫ	13
3.2. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КАК ОСНОВА РИТОРИКИ	14
4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	16
4.1. СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ	17
4.2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	18
4.3. ПОЛЕМИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	18
4.4. НЕКОТОРЫЕ РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ	19
4.5. МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	21
4.6. ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	22
4.6.1. Роль метафоры в политической речи	23
4.6.2. Метафора пути в русском политическом языке	24
5. ИДЕОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	26
6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	28
7. ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	31
7.1. Г.А. ЗЮГАНОВ: «МЫ МОЖЕМ СЛОМИТЬ ТЕРРОРИЗМ»	31
7.1.1. Аргументация Зюганова	32
7.1.2. Адресат статьи и внутритекстовое «мы»	38
7.1.3. Образная система статьи Зюганова	40
7.2. Г.А. ЯВЛИНСКИЙ: «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РОССИЕЙ?»	46
7.2.1. Аргументация Явлинского	47
7.2.2. Адресат статьи и внутритекстовое «мы»	52

7.2.3. Образная система статьи Явлинского	54
7.3. Выводы	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
БИБЛИОГРАФИЯ	65
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	67
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	75

ВВЕДЕНИЕ

Политический текст – основная часть политической жизни, инструмент влияния. Как и любой инструмент, он подвергается анализу, в принципе возможно понять, как он функционирует. В настоящей работе мы попытаемся сделать это.

Политическая речь, произнесенная оратором, рассматривается в пределах данной работы как процесс коммуникации и как само политическое действие. Мы исходим из суждения, основывающегося на теории речевых актов, что политический текст сам по себе – преднамеренное действие, целенаправленная деятельность. Признаком современных демократических обществ является преобладание дискурсивных форм взаимодействия над директивными. С распадом тоталитарной системы также в российской политической жизни появилась потребность в кооперации, которая реализуется через аргументативную форму при обосновании мотивации тех или иных действий. Политическая аргументация – это одновременно и форма проведения политики, и уже политическое действие само по себе. Коммуникативное взаимодействие в современной политической сфере характеризуется существенным повышением роли адресата. Целью политической риторики таким образом оказывается каузация определенного ментального результата у адресата, который может иметь не только ментальные следствия. Политический текст должен убедить свою аудиторию именно так, что она мобилизуется на поддержку той или иной точки зрения на проблемы общества.

В настоящей работе мы рассматриваем политический дискурс как власть влияния, уговора и убеждения. Мы стремимся лучше понять природу политического текста через выяснение некоторых из тех механизмов, с помощью которых оказывается возможной манипуляция общественным мнением, и через анализ роли отдельных приемов, и также особенного отношения между идеологией, властью и риторикой. Наша работа делится на три части, которые состоят из введения, семи глав и заключения. Первая часть основывается на теоретических источниках, рассматривающих нашу тему. В первой главе мы делаем обзор процессов преобразования в современной российской политической сфере. Во второй главе мы сосредоточиваемся на теории риторики и техники аргументации. В третьей главе мы рассматриваем предварительные условия убедительной аргументации и роль

адресата. В четвертой главе более подробно обсуждаются особенности политического языка. В пятой главе затрагивается проблема проявления идеологии и власти в политической речи, и под конец, в шестой главе коротко рассматриваются риторические приемы разных политических направлений в России. Во второй, эмпирической части на базе теории, представленной нами в первой части, анализируются два выбранных нами политических текста. Сначала в седьмой главе рассматривается статья председателя Коммунистической Партии Российской Федерации Г.А. Зюганова «Мы можем сломить терроризм», а затем статья лидера партии «Яблоко» Г.А. Явлинского «Что случилось с Россией?». Третья часть нашей работы – заключительная. В ней мы сопоставляем и комментируем проанализированные тексты и делаем выводы. В конце работы мы помещаем проанализированные тексты.

Основными теоретическими источниками нашей работы послужили, во-первых, работа Хайма Перельмана *Retoriikan valtakunta* (1999), во-вторых, работа А.Г. Алтуняна *От Булгарина до Жириновского* (1999), в-третьих, статья М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Современная политическая коммуникация» (2001), в-четвертых, работа Г.Г. Хазагерова *Политическая риторика* (2002), и еще, в-пятых, сборник статей под редакцией Кари Палонена и Хилкки Сумма *Pelkkää retoriikkaa* (1996).

1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

1.1. Распад тоталитарной идеологии

После августа 1991 года начался новый этап в социально-политической жизни России, связанный с распадом тоталитарной империи и требующий выработки новых политических концептов. Начался процесс замены жестко вертикальной модели общения между властью и народом, свойственной тоталитарному обществу, на модель с широкой зоной горизонтальных связей, свойственную демократическим обществам. Языковой аналог этого процесса – тенденция к замене монолога на диалог. (Китайгородская & Розанова 2003, 151-152, 168.)

Согласно Китайгородской и Розановой, формирование новой культуры может идти двумя путями: 1) Меняется сама глубинная структура культуры. Изменение, однако, полностью зависит от существовавшей ранее культурной модели, поскольку строится как «выворачивание ее наизнанку». 2) Сохраняется глубинная структура, сложившаяся в предшествующий период, однако она подвергается значительному переименованию. В этом случае создаются новые тексты при сохранении архаического культурного каркаса. (там же, 154.)

Начавшийся с 1991 года распад тоталитарной идеологии пока не затронул ее глубинной структуры. На данном этапе можно говорить лишь о процессе переименования, создания новых текстов при сохранении прежнего культурного каркаса, то есть развитие идет по второй модели. (там же, 155.)

1.2. Тоталитарный и антитоталитарный язык

Раньше существовала особая языковая ситуация, где официальный тоталитарный язык, использовавшийся как средство манипуляции общественным сознанием, породил и свою противоположность – антитоталитарный язык. Тоталитарный и антитоталитарный языки выражались прежде всего сублексиконом: набором

определенных номинаций, принятых для обозначения некоторых идеологических понятий и институтов власти. (Китайгородская & Розанова 2003, 161-162.)

Для тоталитарного языка характерно то, что в позиции субъекта выступают имена, предполагающие или допускающие нереферентное прочтение типа *народ, молодежь, все прогрессивное человечество* и др. Своеобразный разрыв вербального и предметного мира способствовал мифологизации общественного сознания. (там же, 162.)

В отличие от тоталитарных государственных устройств, демократическим обществам свойственна большая зависимость «верха» от «низа». Изменение политической ситуации привело к существенным изменениям и самого политического дискурса. Если взглянуть на него сквозь призму оппозиций *ритуальность/действенность(перформативность), монологичность/диалогичность, безадресность/адресованность, анонимность/персонафицированность*, то возможно заметить, что для настоящего времени свойственно разрешение этих оппозиций преимущественно в пользу вторых членов. Следовательно, речи и выступления ораторов сильно отличаются от речей прежних лет. Для современной политической речи характерно возвращение ей собственно коммуникативных функций, то есть из речи ритуальной, из речи-декорации она превращается в речь действенную – таким образом, можно говорить о появлении реального политического диалога. (там же, 166.)

1.3. Гласность vs. свобода слова

Свобода слова и гласность являются совсем различными социально-политическими феноменами, поскольку они подразумевают разные отношения политического деятеля и власти. При гласности основным адресатом политического публициста, выступающего с критикой власти, является сама власть, тогда как при свободе слова адресатом является уже не власть, а потенциальная политическая аудитория, в которую власть, конечно, входит. Это обращение не «наверх», а по горизонтали; ко всем членам потенциальной политической аудитории, куда входят и отдельные избиратели, и группы интересов, и представители власти. Это вызвано, в частности,

тем, что институты власти перестают осмысляться как независимые и отделенные от общества барьером. В современной демократии носителем суверенитета являются не институты власти, а народ. (Алтунян 1999, 106.)

1.4. Появление политической полемики

Полемика и спор – неотъемлемые элементы политической речи демократического общества. Среди сценариев политического спора есть два основных типа: либо спор оканчивается ударом кулака, либо он развивается до своего логического разрешения. Политический спор первого типа был свойствен Советскому Союзу – любой намек на спор, любой неожиданный аргумент, не санкционированные властью, кончались окриком, ударом. Можно сказать, что один из самых существенных признаков того, что в России начинается «новое время» - это появление обычной политической полемики. Политическая полемика возникает в ситуации, когда появляется необходимость убеждения, когда довод силы перестает работать. Сила политического деятеля начинает измеряться не только его «связями» – местом на трибуне мавзолея – но и количеством и «качеством», то есть социальным составом той аудитории, которую он сумел убедить и мобилизовать для своей поддержки. (Алтунян 1999, 64.)

Из зависимости власти от народа в настоящей политической ситуации вытекает, что оратору, находящемуся у власти, приходится, на том или ином уровне, *встретиться* с народом, со своей аудиторией. Эта встреча осуществляется через *аргументацию*. Принуждение и давление – то с помощью (государственного) насилия, то принуждающего, монологического языка – свойственно тоталитарным обществам. Оно заменяется убедительной речью и уговором, с помощью которых добиваются соглашения, стремятся привлечь людей на свою сторону и заставить их поддерживать свою позицию без усилий – с помощью аргументации. Следовательно, появилась социокультурная необходимость аргументировать. Именно через аргументацию осуществляется демократически оформленное участие граждан в принятии общественно значимых решений. Аргументативная стратегия становится единственным легитимным способом разрешения общественных конфликтов.

2. РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

В античности риторика считалась деятельностью, направленной на практику и общественное воздействие. Уже тогда осознавали способность языка влиять на людей. (Наарапен 1996, 24.) Текст должен читаться как выбор из альтернатив системы, раскрывающей значения. Риторика изучает эти значения в тексте и их влияние. Следовательно, существенно не только то, что видно в тексте, но и то, что остается без высказывания. (Vihinen 1996, 223.) Риторика создает действительность для слушателя/читателя (Kuusisto 1996, 269). Каждый аргумент предполагает выбор определенных фактов и ценностей. Эти выборы, со своей стороны, создают присутствие этих фактов и ценностей, из чего вытекает, что они не могут обходиться – они уже вошли в сознание адресата. (Perelman 1996, 42-43.)

Палонен и Сумма (1996) выделяют различные уровни риторики (анализа риторики). Ими являются: 1) Риторика речей и выступлений, в которой рассматриваются речи, тексты или образы как целые; оценивается их ловкость или их воздействие относительно адресата. 2) Риторика аргументации, в которой фиксируется внимание на тех чертах изложения, с помощью которых стремятся изменить или укрепить понятия и мнения аудитории о том или ином вопросе. 3) Риторика тропов, которую можно рассматривать как искусство или средство аргументации, или анализ стиля. Основными тропами являются метафора, метонимия, синекдоха и ирония. (с.10-11.) Эти три уровня анализа риторики не очень легко отграничивать друг от друга.

Традиционно риторика включает пять частей: изобретение мыслей, или инвенцию (lat. *inventio*), расположение мыслей, или диспозицию (lat. *dispositio*), выражение мыслей, или элокуцию (lat. *elocutio*), запоминание, или меморию (lat. *memoria*), произнесение речи, или акцию (lat. *actio*). Инвенция сосредоточена на разработке аргументации, диспозиция – на том, как данные аргументы расположить, элокуция – как наиболее убедительным образом облечь их в слова, мемория – как запомнить сочиненную речь, акция – как ее произнести. Эти части риторики неравноценны, неравномерно разработаны классической риторикой. (Хазагеров 2002, введ., 4, www.) Мы в настоящей работе сосредоточиваем наше внимание на двух частях риторики: инвенции и элокуции, делая акцент на инвенции.

Диспозиция является теорией риторической композиции текстов. Это умение выделить главное и тем самым способствовать восприятию речи. Элокуция, – это самая разработанная классической риторикой часть риторики. Ее предметом являются фигуры и тропы – особенные приемы, усиливающие изобразительность и выразительность речи и делающие речь убедительной благодаря самой речевой форме. Что касается памяти и акции, то они актуальны лишь для устного произнесения речи. (там же, 5.)

2.1. Типы доказательств

Инвенция разрабатывает теорию доказательств, деля их на естественные и искусственные, куда входят так называемые аргументы к логосу (логические доказательства), пафосу (доводы к чувствам аудитории) и этосу (апелляция к этическим нормам). В политической риторике роль естественных доказательств, или доводы к очевидному, выполняют цифры, фактические данные, письменные свидетельства, в том числе и высказывания оппонентов. Сильный довод к очевидному может звучать примерно так: «Вы сами видите...» (Хазагеров 2002, I, 2, www.). Доводы к логосу довольно очевидны и неизменны во все века, между тем как доводы к пафосу и этосу имеют ярко выраженную временную и национальную специфику. (там же, введ., 4-5.)

2.1.1. Доводы к логосу

Логические доказательства достаточно тривиальны и поэтому убедительны. Логические доказательства часто строятся на дедукции – переходе от общих рассуждений к частным. Так, все дедуктивные рассуждения построены на подведении данного случая под общий, о свойствах которого аудитории уже известно. Исходная посылка должна быть безусловно верной, тогда безусловно верным будет и все рассуждение. (Хазагеров 2002, I, 2-4, www.)

Индуктивные рассуждения, напротив, построены на обобщении частных суждений – на переходе от частных рассуждений к общим. Стопроцентной доказательности

индуктивное умозаключение редко достигает и поэтому чаще всего подкрепляется вводными словами, оценивающими достоверность сообщения: «наверняка», «очевидно»; или апелляцией к слушающему: «как вы сами понимаете..», «нетрудно догадаться..». (там же, 4-5.)

Рассуждения с дефиницией, со своей стороны, строятся на том, что вначале дается неправильное определение разбираемого казуса или неправильная квалификация лица, соответствующие тем представлениям, которые надлежит опровергнуть. Затем это определение подвергается сомнению и дается новая, неподдельная дефиниция. (там же, 5.)

Логическими уловками называются такие рассуждения, которым внешне придана логическая форма. По Хазагерову, это рассуждение со скрытым изъясном. (там же, 6.)

2.1.2. Доводы к пафосу

Использование доводов к пафосу – это апелляция к чувствам аудитории с опорой на эмоциональную память. Сами доводы состоят в обещании или в угрозе. Угроза заключается в том, что оратор показывает, какие неприятные последствия могут вытекать из того или иного решения. Обещание, напротив, состоит в том, что с принятием данного решения связываются какие-то улучшения. Обещанием будет, например, когда оратор утверждает, что, проголосовав за коммуниста, мы обеспечим социальное страхование. Соответственно, угрозой будет рассуждение о том, что, проголосовав за коммуниста, мы обрекаем себя на дефицит и репрессии. (Хазагеров 2002, I, 9, www.)

Аргументы к пафосу опираются на эмоциональную память человека, которая определяется его жизненным опытом. Аргументируя к пафосу, оратор использует две крайние точки шкалы этой памяти: то, что заведомо неприятно (угроза), и то, что заведомо приятно (обещание). Стараясь активизировать эмоциональную память, то есть заразить аудиторию тем или иным чувством, оратор может, например, использовать окрашенную лексику. Более того, он должен тщательно выбрать

узнаваемые ситуации – фреймы, чтобы разбудить знакомые воспоминания. (там же, 9-11.)

2.1.3. Доводы к этосу

Этические доказательства принято делить на доводы к сопереживанию и доводы к отвержению. Оба опираются на общие для данного этоса (этноса, социальной группы, людей одной веры) нравственные представления. Все-таки опора на них – уже не индивидуальный опыт (опыт данного поколения), как для доводов к пафосу, а опыт коллективный. Доводы к сопереживанию предполагают коллективное признание определенных позиций, между тем как доводы к отвержению – коллективное их отторжение. (Хазагеров 2002, I, 11, www.) В итоге можно сказать, что если аргументы к логосу универсальны, а аргументы к пафосу обусловлены индивидуальной эмоциональной памятью, то аргументы к этосу обусловлены коллективной памятью и коллективной моралью (там же, 13).

2.2. Предпосылки аргументации

Теория риторики Хайма Перельмана и его представление об аргументации опираются на аристотельскую традицию, по которой рассуждение может считаться диалектическим, когда его предпосылками являются общепризнанные мнения. Однако Перельман отличает аналитическое рассуждение, при котором речь идет о правдивости и обоснованности рассуждения, прямо вытекающих из правдивости и обоснованности предпосылок, от диалектического рассуждения, при котором речь идет об убедительности и приемлемости утверждений, которые исходят не из бесспорных предпосылок, а из общепризнанных мнений. Опираясь на общепризнанное, в диалектическом рассуждении ищут принятие со стороны адресата утверждений, которые являются или могут являться спорными, то есть стремятся *уговорить* и *убедить*. (Perelman 1996, 8.) Диалектические рассуждения состоят из обоснований, то есть из аргументов, направленных на принятие или отклонение того или иного утверждения (там же, 11).

Аргументация – это стратегия рассуждения и влияния. Речь идет о вероятности и стремлении к увеличению или уменьшению вероятности того или иного тезиса. Так, тезисы всегда первостепенны в деятельности – аргументация происходит относительно каких-то тезисов (Palonen 1997, 82). Как предпосылки, так и правила рассуждения могут быть оспариваемы. Целью аргументации является совпадение мыслей и присоединение к тому или иному утверждению через систематическое рассуждение. (Suojanen 1997, 80.) Демонстрация – это способ доказывания того или иного утверждения, исходящий из аксиоматических пунктов и прогрессирующий через предварительно закрытые правила рассуждения. Аргументация отличается от демонстрации в том, что она действует в «мире вероятностей», где стремятся к увеличению или уменьшению того или иного утверждения, когда как исходные пункты, так и правила рассуждения – постоянно спорные. Демонстрация – способ доказать, что является правильным выводом, независимо от того, приемлем он адресату или нет, тогда как аргументация стремится к совпадению мыслей и присоединению к определенному утверждению или предложению. (Summa 1996, 65-66.)

2.3. Ассоциативные и диссоциативные техники аргументации

По Перельману, аргументы могут являться либо ассоциативными – что дает возможность «перенести» принятие, исходящее из предпосылок, на выводы – либо диссоциативными, когда стремятся различать факторы, которые язык или устоявшаяся традиция связывают вместе (Perelman 1996, 28, 58). Из этих двух вариантов он уделяет больше внимания первому, то есть ассоциативным техникам аргументации, которые он еще делит на три типа аргументов:

1) *Квазилогические аргументы* сопоставляются с логическим и математическим мышлением, которые используют аналитическое рассуждение (Perelman 1996, 59). С помощью квазилогических аргументов оратор старается создать представление об «условиях лаборатории» (Kuusisto 1996, 280). Использование квазилогических аргументов требует упрощения действительности, ее сведения к определенной логической или математической формуле (Perelman 1996, 60). Нам кажется, что квазилогические аргументы очевидно параллельны доводами к логосу, логическими

доказательствами, которые, как предполагает Хазагеров, строятся в основном на дедукции (см. выше). Основная разница между теориями Перельмана и Хазагерова, по нашему мнению, в том, что Перельман больше подчеркивает неизбежную «ложность» аргументации данного типа, тогда как Хазагеров считает ее вполне возможной. Однако Хазагеров признает неверные рассуждения, которым внешне придана логическая форма – так называемые логические уловки – но лишь как один тип логических доказательств (Хазагеров 2002, I, 6, www).

2) *Аргументы, основывающиеся на структуре действительности*, исходят из отношений между разными частями действительности. Такими структурами являются, например, причинно-следственные связи. (Perelman 1996, 60.) Иначе говоря, создаются «естественные» связи между элементами действительности и аргументация основывается на этих связях (Kuusisto 1996, 282). Логические уловки нередко строятся именно на причинно-следственных связях (Хазагеров 2002, I, 6, www).

3) В *аргументах, создающих действительность*, со своей стороны, из того или иного случая или явления делают «прецедент», модель или общее правило, на которое может опираться рассуждение (Perelman 1996, 60-61). Аргументация, обрабатывающая структуру действительности, часто использует аналогическое рассуждение и обобщения (Kuusisto 1996, 284).

Основой ассоциативной аргументации служит создание связи между предпосылками и предлагаемыми утверждениями (Perelman 1996, 28). Диссоциативному рассуждению, со своей стороны, свойственно противопоставление явления и действительности. Это раскрывается парами понятий, как, например, *мнение/правда, название/вещь, артефакт/природа, слово/дух, конвенция/действительность*, в которых первое понятие всегда представляет что-то обманчивое или мнимое, а второе – что-то реальное и истинное. (там же, 150.)

Основная разница между логическим рассуждением (демонстрацией) и аргументацией – это центральное положение аудитории при аргументации. Оратору приходится соразмерять свою аргументацию со своим адресатом. (Summa 1996, 66-67.) По Аристотелю, риторика – это умение или искусство (*tekhne*) найти подходящие

средства убеждения и уговаривания в определенном случае (Naarinen 1996, 26).
«Эффективный аргумент убедит того, кому он адресован» (Perelman 1996, 8).

3. АДРЕСАТ И УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ АРГУМЕНТАЦИИ

Аргументация всегда предполагает встречу с аудиторией. Адресат – все те, на кого оратор своей аргументацией хочет влиять. Так, адресат не обязательно состоит из тех, кому оратор в данный момент говорит (Perelman 1996, 21). Требуется постоянное приспособление дискурса к аудитории и ситуации, то есть уместность речи. Кроме уместности, ключевым коммуникативным качеством речи, напрямую связанным с убедительностью, является ясность речи. Ясной называют такую речь, содержание которой быстро и достаточно легко схватывается адресатом. Хазагеров (2002) предлагает представить модель риторического воздействия следующим образом: У слушателя нет (полной) ясности в каком-то вопросе. Говорящий проясняет для него этот вопрос, делает его кристальным, как бы снимает с души слушателя груз неопределенности. За это слушатель платит тем, что принимает предлагаемую говорящим картину мира. (введ., 2, www.) Оратору приходится соразмерить свое высказывание с адресатом, чтобы оно оказывало влияние – чтобы оно было убедительным. Под соразмерением имеется в виду то, что оратор может выбирать своими предпосылками рассуждения лишь утверждения, принимаемые адресатом. (Perelman 1996, 21.)

3.1. Предварительные договоры

В своих рассуждениях оратор исходит из некоторых априорных для него положений, на которые он опирается, не оговаривая их истинности потому, что эти положения не всегда осознаются им самим. Это априорно принимаемые посылки, система ориентаций, ценностная иерархия. Обнаружить эти априорные положения можно, анализируя прямые высказывания, а также рассматривая формальные средства, при помощи которых оратор доносит до аудитории свое видение тех или иных общественных или социальных феноменов. Формальными средствами являются образная система, риторические приемы, логика рассуждений и т.д. (Алтунян 1999, 81.)

Под «предварительными договорами», то есть невысказываемыми предпосылками аргументации, подразумевается та группа вещей, лишенная всякой спорности при каждой данной аудитории, которую считают само собой разумеющейся. Каждый адресат предварительно принимает (одобряет) определенные вещи. Следовательно, задачей оратора становится определить те обычаи, ценности и верования, которые направляют позиции и выборы адресата. Соглашение о предварительных договорах лежит в основе аргументации: без него главный тезис, предлагаемый оратором адресату, не может стать приемлемым. (Kuusisto 1996, 277.)

Предварительные договоры могут касаться либо «действительности», либо желаемого состояния дел: 1) Договоры, касающиеся действительности, относятся к явлениям, которые являются правдивыми сами по себе или, по меньшей мере, предельно вероятными каждому данному адресату – их считают без сомнения фактами, правдой и «нормальными». 2) Договоры же, касающиеся желаемого состояния дел, основываются на ценностях, и точнее, иерархиях ценностей. Так, оратору особенно важно знать иерархии ценностей своего адресата, чтобы оказать влияние на него. (там же, 277-278.)

3.2. Отождествление как основа риторики

Согласно Сумма (1996), центральными понятиями риторики являются *отождествление*, *уговор* и *коммуникация*. Значения этих трех понятий невозможно отделить друг от друга, поскольку они являются разными сторонами одной и той же риторической функции. Отождествление – основной риторический процесс и ключевое понятие при уговоре. Отождествление является тем центральным процессом, с помощью которого действующая личность стремится убедить свою аудиторию.

Отождествление может считаться и общим толкованием риторического воздействия стилистических приемов, как, например, тропов. В политической речи нередко появляется противопоставление «мы/другие» («наши/другие»). Этот риторический прием также изображается с помощью отождествления и различения – как на содержательном, так и на стилистическом уровне. Противопоставление «мы/другие» отождествляет оратора и аудиторию с чем-то общим, и в то же время оно выражает

такой по стилю ход мыслей, с которым аудитории легко отождествиться в силу его предсказуемости. (Summa 1996, 56-58.) Проясненность личной позиции автора, четкость противопоставления «мы-они» и напряженное противостояние риторических комплексов разных мировоззрений открывают читателю возможность самоотождествления с тем или иным субъектом политического действия. Таким образом они и являются сильным мобилизирующим фактором – необходимым элементом политической речи. (Алтунян 1999, 67.)

Риторика присутствует везде, где отождествление и его противоположное понятие, различие, появляются вместе. Риторичность включается во все, что открывает возможность для соревнующихся отождествлений и различий. Отождествление как часть риторики, исходящей из понятия адресата, означает стремление оратора отождествить свои и адресатские интересы таким образом, что уговаривание становится возможным. Создается основа для готовности аудитории к сотрудничеству. (Summa 1996, 56-58.)

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Парламентская система современного типа, когда один человек, предварительно избранный, представляет в законодательном собрании часть общества, защищая ее интересы перед представителями других частей общества, диктует необходимость убеждения и мобилизации избирателей в свою поддержку (Алтунян 1999, 11). Ораторскими задачами, таким образом, являются: 1) доказать правильность и приемлемость своего дела 2) нравиться аудитории и 3) увлекать и уговаривать свою аудиторию (Нааранен 1996, 41). Чтобы добиться этого, политические деятели пользуются хорошо разработанной риторикой, в рамках всем хорошо известных идеологических конструкций. Деятели заняты не только собственно толкованием событий в контексте нашей жизни. Им каждый раз необходимо и *создать* этот контекст, объяснить саму нашу жизнь в рамках еще более общего контекста: исторического, мистического и т. д. Речь идет о задавании идеологических координат того мира, в рамках которого объяснение какого-то явления или случая будет иметь смысл. Этот мир – идеологическая конструкция. (Алтунян 1999, 7.)

Политическая речь как речевое действие в значительной степени проявляется через систему используемой аргументации. Она формируется из общепринятых предпосылок и языковых конвенций, с помощью которых деятели изображают действительность такой, какой они ее интерпретируют. Нередко намерение этой речи – изменение в аудитории. Ораторские интенции высказываются установленными языковыми конструкциями. Составными факторами языка являются, например, понятия, идиомы, стиль, лексика или риторические приемы. Эти конвенции передают ценности и верования оратора другим деятелям, и с их помощью он стремится к владению явлениями окружающей среды. (Aarnio 1997, 106.) Языковые категории и связанные с ними ценности направляют мышление человека в определенном направлении, построенном на языковых категориях (Mälkiä 1997, 27). Уговаривающая и убеждающая речь является системой различных влиятельных компонентов, состоящей из формы, интенции и смысла коммуникации (Suojanen 1997, 79).

Политический текст должен быть полностью понят всеми членами предполагаемой аудитории (Алтунян 1999, 19). Более того, чем обширнее адресат текста, тем многочисленнее трактовки текста, тем возможнее разрыв между оратором и адресатом. Следовательно, деятелям существенно важно знать, для кого определенный текст предназначен, кому он направлен.

4.1. Специфика политической риторики

С аристотельских времен риторику – или красноречие – принято делить на три рода: судебное, совещательное и торжественное. В своей «Риторике» Аристотель писал: «Слушатель бывает или простым зрителем, или судьей, притом судьей или того, что уже совершилось, или же того, что может совершиться.» (Аристотель, 1358b, процитировано в Хазагеров 2002, введ., 11, www.) В зависимости от того, какую позицию занимает адресат, и строится трихотомия Аристотеля. Следовательно, если слушатель выступает судьей того, что уже совершилось, перед нами судебная риторика. Так, судебные речи обвиняют или оправдывают. Дело именно в том, что события уже свершились и надо принять ту или иную их версию. Если же слушатель выступает «судьей» того, что должно случиться, перед нами совещательная риторика. Речь идет о склонении и отклонении. Поэтому эмоциональные аргументы получают здесь гораздо большее оправдание, чем тогда, когда надо решить, что же на самом деле произошло. А если слушатель является простым зрителем, тогда перед нами торжественная риторика, назначение которой – хвалить или порицать. Данная риторика формирует определенное мнение, на основании которого слушатель в будущем будет поступать так или иначе, но в момент произнесения речи от него не требуется никаких действий, выборов. (Хазагеров 2002, введ., 11-12, www.)

Политическая риторика – это особенный вид риторики, относящийся к сфере политики. Ясно, что политическая риторика – это в первую очередь риторика совещательная. Она обращена в будущее. Однако в нередких случаях, как, например, тогда, когда речь идет об анализе прошлого, политическая риторика сближается с судебной. (там же, 12-13.)

4.2. Прагматическая функция политической речи

Политические тексты всегда обладают определенной интенцией. Под интенцией текста понимается общая установка, направленность текста на реализацию определенного результата, например, убеждение аудитории. Политический текст стремится убедить своего адресата в том, что нарисованная автором картина мира верна, что проблемы адресата будут решены наиболее эффективным, выгодным для него образом, а его интересы будут наилучшим образом защищены именно в рамках той картины мира, которая нарисована автором. (Алтунян 1999, 9.) Но это еще не все. По Перельману (1996), аргументация стремится не только к интеллектуальному принятию. Она направлена и на действие – создание готовности действовать (с.19). Политический текст должен *мобилизовать* своего адресата для поддержки именно той точки зрения, которая изложена в тексте (Алтунян 1999, 9).

Основная интенция политического текста – убедить аудиторию и мобилизовать ее для поддержки той или иной точки зрения. Цель аргументации всегда изменение в аудитории. Политический текст не существует вне потенциальной политической аудитории. Для политического текста свойственна принципиальная направленность на потенциального читателя или слушателя. Таким образом, функция политического текста полностью исчерпывается его прагматической функцией. (там же, 10.)

4.3. Полемичность политической речи

В политической риторике часто подчеркивается диссоциация, то есть отклонение изложенных оппонентами аргументов оказывается более важным, чем их одобрение. В аргументации нередко важнее то, от чего она отрекается, чем то, что принимается. Таким образом, можно говорить и о приоритете конфликта в политической риторике, который обнаруживается рассмотрением как эксплицитных, так и имплицитных негативных образов в текстах. (Palonen 1997, 26, 89.)

Политическая речь никогда не бывает просто утверждением, констатацией какой-то точки зрения – это всегда полемика, реплика в споре с актуальными политическими

альтернативами (Алтунян 1999, 10). Политическая речь нередко возникает из аргументативных реакций на уже сказанное, и это взаимодействие как раз и создает ее дискурсивное пространство. Оратор апеллирует к уже написанному или произнесенному, примыкает или конфронтирует с определенной политической традицией. Основные моменты, вокруг которых разворачивается спор автора с его оппонентами, называются точками полемики. Нередко интересной оказывается и полемика скрытая, когда автор не только не называет своих оппонентов, но и за внешней декларативностью как бы игнорирует само наличие политического спора. При анализе полемики в очевидном виде раскрываются приемы, риторические средства и система аргументации, используемые автором текста. (там же.)

Убеждать в полемике приходится не только и не столько оппонента, сколько аудиторию полемики: читателей, зрителей и слушателей. Именно к этой аудитории и апеллируют оппоненты в своих доводах, предпосылках и риторических приемах. Каждый из оппонентов пытается убедить в своей правоте как можно большее число людей. Этим же определяется и победитель политического спора – спор выигрывает не тот, кто имеет власть, а тот, кого поддержала политическая аудитория. (там же, 64.)

4.4. Некоторые речевые стратегии

Политические деятели используют различные речевые стратегии, чтобы самым эффективным образом влиять на свою аудиторию, убедить ее в своих благотворительных целях и мобилизовать ее. Рассматривая политические тексты, Суоянен (1997) нашла всего двадцать таких речевых стратегий, которые она называет *стратегиями уклонения*, а здесь мы будем опираться лишь на некоторые из них, самые интересные для нас. Знание следующих речевых стратегий дает возможность вникнуть в фон политической речи и раскрыть какие-то скрытые цели говорящего (с.80).

1) Новая, странная вещь представляется знакомыми словами и терминами (там же). Далекая, странная и сложная аудитории ситуация или ряд событий привязывается к чему-то знакомому и обыкновенному, простому. Из этого вытекает, что проблемы,

связанные с решением ситуации, становятся такими же простыми. (Kuusisto 1996, 296.)

2) Подчеркивается авторитетность путем использования профессионального жаргона и выражения специального знания. Укрепление авторитета достигается также употреблением нормативных догматов или цитат от сильных, известных личностей. (Suojanen 1997, 81, 85.)

3) Отдаляющими речевыми стратегиями отдаляют аудиторию от политиков и данной темы (там же, 81). Данная стратегия очень близка предыдущей: употреблением профессионального жаргона и выражением своего авторитета уменьшают возможность аудитории участвовать и подчеркивают суверенитет оратора. Политики стараются присвоить политическое пространство и как бы говорить народу: «это не ваше дело, вы не можете понимать». Отдаляющие стратегии могут означать и речевые стратегии, отдаляющие деятелей от самих действий и решений. Употреблением пассива или понятий, как «государство», «общество» в качестве субъектов, оратор отдаляет себя от действий и в то же время избегает обязанности решать проблемы, связанные с ними. Более того, «взгляд государства» изглаживает внутривнутриполитические споры, неизбежные при формировании этого взгляда, и отрицает существование инакомыслящих кругов. (Kuusisto 1997, 277.)

4) Осложнение тесно связано с отдалением. Деятели нередко не отвечают на заданные им вопросы, а начинают говорить «мимо» данной темы, чтобы избежать неудобных и трудных им тем. (Suojanen 1997, 82.)

5) «Погребение» является стратегией, с помощью которой тоже избегают неудобных для оратора вещей (там же). Эта стратегия работает в таких предложениях, как, например, «цивилизованным/демократическим людям/обществам не свойственно делать что-то» или «это против прав человека». Никто не хочет, и более того, *может* возражать против таких аргументов, если хочет представить себя «цивилизованным» или «человеческим» человеком.

6) Смешивание: две вещи, не касающиеся друг друга, соединяются, например, с помощью структуры «с одной стороны – с другой стороны». Таким образом, оратор

смешивает разные понятия и явления в мыслях адресата так, что он может подумать, что данный вопрос ему слишком трудно понять. С этим связано также перечисление фактов, когда адресат может устать, смущаться. (там же.)

7) Оporочение: деятельность и мотивы какой-то группы людей – часто политических оппонентов – ставят под вопрос, чтобы сделать свою деятельность более уважительной и приемлемой (там же).

8) Внушение доверия. Такая стратегия работает, когда какие-то меры принимаются «по причинам безопасности», «чтобы предотвратить или избежать опасностей». (там же, 83.)

9) Апелляция к общему интересу или мнению (там же, 84). При помощи этой стратегии оратор может избежать обязанности приводить доказательства правильности своего дела.

10) С помощью интимности (там же) и апелляции к чувствам политики мобилизуют людей на поддержку изложенной точки зрения уже более двух тысяч лет. Оратор может пользоваться основными ценностями, говоря, например, о семье и доме.

4.5. Местоимение «мы» в политической речи

Определяющей семиотической оппозицией, организующей политические тексты, является оппозиция «свой/чужой». Членение окружающего мира по шкале «свое / чужое» свойственно всем политическим деятелям независимо от идейной ориентации. У всех система ценностных ориентаций формируется под влиянием идеологизированного стереотипа «кто не с нами – тот против нас». Зона «своего» и «чужого» объективируется в противопоставлении местоимений «мы – они». Местоимение «они» нередко выступает в роли прямой обобщенной номинации оппонента. (Китайгородская & Розанова 2003, 231.)

В политической речи местоимение «мы» имеет особенный статус в качестве средства, подчеркивающего коллективность. Когда оратор аргументирует таким образом, что адресат считает себя частью внутренне-текстового «нас», аргументация, которая касается этого адресата, оказывается убедительной. Политические тексты нередко созданы против чего-то. Местоимением «мы» идентифицируют и разграничивают противников. (Aarnio 1997, 115.)

В политической речи можно найти как инклюзивные, так и эксклюзивные значения местоимения «мы». Инклюзивное «мы» апеллирует к личному участию оратора в действии или бытии, тогда как эксклюзивное «мы» употребляется оратором, который собственно не собирается взяться за действие, указываемое глаголом-сказуемым, и не будет нести полной ответственности за дело. Умение употреблять неопределенное «мы» нередко оказывается полезным политикам. Неопределенным «мы» стремятся убедить аудиторию в общих целях «всего народа» и в том, что оратор на той же стороне, как и адресат, все-таки оставляя более подробные отношения обязанностей открытыми. (Kuusisto 1996, 276-277.)

4.6. Образная система в политическом тексте

Политический текст должен прежде всего убеждать свою аудиторию. Именно на это работают все образные средства, риторические приемы. (Алтунян 1999, 85.) Любой образ, любая метафора является своего рода призмой, которая преломляет информацию в соответствии с заданными этим образом ценностями. Речь идет о том, можно ли выбрать такие образы и как ими пользоваться, чтобы они преломляли информацию, организовывали ее в интересах власти или какой-то другой политической, социальной группы или личности. Образная система составляет единое целое, которое выполняет функции доказательства, задает рамки, в которых проходит рассуждение, и определяет саму логику рассуждений. (там же, 29, 42.)

В политической лексике наблюдается слой понятий-образов, наполненных значимым содержанием и актуальных для аудитории, воспринимающей текст. Эти понятия-образы организуют восприятие всей информации, которая содержится в тексте. Они задают определенную, свойственную им систему ценностей, через которую, как

сквозь призму, преломляется сообщаемая информация. Эта иерархия ценностей становится априорными посылками, из которых автор исходит в своих рассуждениях, в своем объяснении мира. У каждого большого общественного, политического движения, у каждой авторитетной идеологической системы формируется свой комплекс таких понятий-образов, с помощью которых они объясняют мир. Представления, которые стоят за этими образами, часто являются ответами на «вечные вопросы»: что такое Справедливость, Свобода, Общество, Идеальный общественный строй и т.д. (там же, 108.)

4.6.1 Роль метафоры в политической речи

По Аристотелю, метафора рождается, когда явлению дается название, которое собственно принадлежит другому (Perelman 1996, 135). Это динамическое отношение двух слов и обстоятельств их употребления (Mukkänen&Lautela 1996, 243).

Оказывать воздействие на взгляды адресата – это одна из самых важных функций политического языка. Метафоры – эффективное средство влияния. Метафоры используются в политическом языке, чтобы возбуждать чувства у адресата, подчеркивать те или иные точки зрения и даже чтобы поднимать противника на смех. (Mustaparta 1996, 168.)

Согласно Лакофу и Джонсону, мы понимаем мир и действительность с помощью метафор. Метафоры являются частью нашего мышления. Мы воспринимаем мир через метафоры, что основывается на том, что абстрактные вещи и явления понимаются с помощью конкретных. Говоря о метафорах, Лакоф и Джонсон употребляют термины «исходная область» и «предметная область». Исходная область – это тематика, чьи термины используются в метафоре, тогда как предметная область – это явление, о котором говорят. Аргументация с помощью метафор основывается на представлениях и чувствах. Когда какое-то утверждение хорошо подходит к исходной области знакомой метафоры, создается представление о рассудительной мысли – аргументация через меткие метафоры убедительна. (там же, 170, 178-179.)

По когнитивной теории метафоры, метафоры и «прочее содержание» неотделимы друг от друга. Метафора – не только окраска, но и существенное содержание информации. (там же, 182.) Метафора в политическом тексте, как любой другой риторический прием, полностью подчинена основной функции политического текста – механизму влияния (Алтунян 1999, 19).

Метафора пути служит здесь примером употребления метафор в политическом языке как способа репрезентации определенной ситуации в обществе с помощью конкретных терминов.

4.6.2. Метафора пути в русском политическом языке

В периоды перехода к новым государственным идеологическим ориентирам повышается частотность употребления метафоры движения и пути. Следовательно, метафора пути активна в новейшем политическом дискурсе: «Многие пытаются угадать, по какому пути пойдет Россия, станет ли она либеральной, социал-демократической, консервативной страной». В слове *путь* наблюдается связь пространства и духовного развития человека. Семантически слово *путь* представляет «динамику» и «целенаправленность». Компонент движения занимает первостепенное значение в семантике пути. (Гаврилова 2002, 117-118.)

Президент России В.В.Путин часто употребляет в своих выступлениях слово *путь* в метафорическом значении. Возможно, что, говоря о будущем развитии страны, Путин выбирает слово *путь* – слово высокого стиля – из ряда синонимичных, благодаря его более широкому семантическому значению. «*Путь* в рынок и демократию оказался непростым для всех государств, вступивших на него в 90-е годы. Все они прошли примерно через одни и те же трудности, хотя их степень в разных странах неодинакова. Несмотря на все трудности и промахи, мы вышли на магистральный *путь*, которым идет все человечество. Только этот *путь*, как убедительно свидетельствует мировой опыт, открывает реальную перспективу динамичного роста экономики и повышения уровня жизни народа. Альтернативы ему нет.» (из статьи Путина «Россия на рубеже тысячелетий» 31.12.1999, там же, 118.)

Динамика движения связывает путь с движущимся объектом, прежде всего с человеком. Из этого вытекает, что важнейшим оказывается тот, кто направит страну по правильному пути, то есть надо выбрать рулевого. В политическом тексте для эффективного речевого воздействия деятель должен иметь сходную с адресатом сообщения ассоциативную палитру. Выбирая слово *путь*, Путин осознает, что в русском сознании основное ассоциативное представление о пути – это его долгота и продолжительность. Путь к демократии и рынку труден и долог. Метафорическая модель пути ориентирует адресата на постепенность реализации программы развития общества. Используя метафору пути, политик предупреждает о возможных трудностях, которые необходимо возникают при прокладывании пути. (там же, 117-120.)

5. ИДЕОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Политический текст таким же образом, как и всякая идеологическая конструкция, создает новую реальность. Никакой текст, никакой деятель не могут создать полностью адекватную картину мира. Политический текст – это всегда суждение, сделанное на основе оценки, в рамках одного из актуальных идеологических комплексов. Это всегда отбор фактов, выбор символов, значимых образов, изобразительных, риторических средств и т.д. (Алтунян 1999, 8.) Между выбором языковых средств и формами проявления идеологии наблюдается связь. Выбор языковых средств рассказывает о точке зрения оратора – в конце концов об идеологии. Идеология может считаться явлением языка и его употребления – это целое, состоящее из ценностей и поверий. Язык приносит с собой потенциальное применение власти оратора. (Kalliokoski 1996, 15-16.) Иначе говоря, язык осуществляет власть, и в то же время – делает возможным обман. Речь может создать предпосылки для влияния на эмоции и мысли. (Нааранен 1996, 25.) Повторение определенных религиозных, мифических и поэтических элементов и сильное вызывающее чувства воздействие этих знакомых аудитории текстовых элементов входят не только в фиктивный мир, но и в повседневный политический язык – во всякое человеческое повествование (Kuusisto 1996, 272).

Идеологическая власть – это власть отражать свою деятельность, свою картину мира как универсальную, как «здравый смысл» и рассудок. Идеологическая власть проявляется в дискурсе, и она является важным дополнением к экономической и политической власти. Здравый смысл служит власти. Идеология сочленяется с дискурсом чертами языка, которые считаются «данными» рассудком. (Fairclough 1995, 33, 77.) Стремление политиков как бы «натурализировать» или «нейтрализовать» свой язык может рассматриваться как способ удержать власть. Эта натурализация действует, в частности, с помощью целесообразного называния вещей и явлений и приучивания к ним через повторение. Названия не находятся готовыми в предметах, а они даются предметам. Названия должны придумываться и приниматься – нужен выбор, а выбор всегда означает возможность политизации. (Palonen 1997, 239.)

Политические деятели стремятся сформировать в сознании адресата определенную картину мира. Их мышление основывается на том, что сознание само будет воспринимать только то и так, как задается структура самого сознания. Постоянное повторение определенных оценок и указаний на причинно-следственные связи событий неизбежно формирует понятия людей об этих событиях. Смысловые системы связывают слова с другими словами (Fairclough 1995, 94), то есть в сознании существуют устойчивые ассоциации слов. Терминология уже начинает нести в себе оценку событий и ситуаций. Некоторые слова могут начинаться применяться только в качестве опознавательных знаков идеологической ориентации автора – знаков «свой - чужой».

Повторением определенных образов и лексики создается и присутствие определенных ценностей и идей: что важно в жизни человека, какими являются важнейшие явления в современном обществе? Таким образом, о риторике следует говорить также как об умении подчеркивать определенные вещи, чтобы создать присутствие в сознании адресата. Чтобы подчеркнуть то или иное явление, деятели могут использовать, например, повторение, нагромождение деталей или синонимию. (Perelman 1996, 46.)

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В каждом политическом тексте, созданном на любую тему и любым автором, можно выделить комплекс идей, с помощью которых автор осмысляет действительность, и набор лексических и риторических средств, с помощью которых он оформляет свои рассуждения. Следовательно, либеральный комплекс идей обслуживает вполне определенная лексика (клише, лозунги) и вполне определенные стилистические, риторические средства. То же самое и с фашистской, и со всякой другой идеологией. Идеи и формальные средства неразрывно связаны, и отсюда вытекает, что мы можем говорить об особом феномене политического текста: идейно-стилистическом комплексе. (Алтунян 1999, 128.)

В условиях формирующейся многопартийности идет процесс выработки партиями соответствующей идеологии и поисков языка для ее выражения. В отличие от политической диглоссии тоталитарного периода, ситуацию нашего времени можно рассматривать как ситуацию политической полифонии. По Китайгородской и Розановой (2003), среди этого многоголосия можно выделить, по крайней мере, три наиболее заметных голоса, соответствующих трем основным направлениям в политической сфере, имеющих свои комплексы идей, лексические наборы: власть – демократическая оппозиция – прокоммунистическая оппозиция. (с.167-168.)

Язык власти в разные периоды характеризуется различными чертами. Он призван выражать ее основные идеологические и социально-политические установки. Так, в период перестройки наблюдалась тенденция к выработке нового политического сублексикона, как напр. *плюрализм мнений, новое мышление, политический диалог, человеческий фактор* и т. д. Особое значение в политическом языке при перестройке приобрели строительные метафоры, как *архитектор перестройки, коренная реконструкция общества* и др. Ельцинский период, со своей стороны, принес с собой такие слова и выражения, как *рынок, демократия, права человека*. Новые идеологические установки и ценностные ориентиры власти, итоги социально-экономических и политических процессов последних лет проявляются в языке Путина. В его речи нетрудно заметить много патриотической риторики и слова, более свойственные прокоммунистической оппозиции, как напр. *престиж и ведущая роль в*

мире страны, патриот, консолидироваться, бороться, государственный и т. д. (Китайгородская & Розанова 2003, 168, 170.)

В поисках новой риторики и сублексикона прокоммунистическая оппозиция использует прежде всего модели прежнего тоталитарного языка с переменной знаков. *Социалистическая родина, коллективизм, социалистические идеалы и марксизм-ленинизм* заменились *державой, отечеством, соборностью, национальными традициями и православием*. Многие формы представляют собой кальки прежних клише, напр. *великий советский народ – православный русский народ*. В прокоммунистической оппозиции нередко используют элементы религиозного дискурса. С вторжением в чужое речевое пространство стремятся уйти от прежней советской риторики. Все-таки процесс включения элементов чужого дискурса часто приводит к «десемантизации» этих слов и выражений, «вымывания» их истинного содержания, напр. когда социалистическая революция сопоставляется с религиозным расколом. Дискурс прокоммунистической оппозиции традиционно содержит апокалиптические мотивы и нападки на власть, правительство. Более того, ключевым концептом здесь является *патриотизм*. (там же, 174-175, 178.) Можно говорить о державной риторике, используемой прежде всего прокоммунистической оппозицией, которой характерно использование абсолютной шкалы сакрального порядка: Добро – Зло. Абсолютные ценности «добра» и «зла» часто олицетворяются в образах «нас» и «наших оппонентов» (Алтунян 1999, 13), когда противники могут находиться как вне, так и внутри страны.

Демократическая оппозиция, со своей стороны, использует язык, основывающийся на прежнем, сейчас легализовавшемся, антитоталитарном языке. Демократы никогда не представляли собой единой монолитной оппозиции, но объединяющей всех демократов базой является система исповедуемых демократических ценностей, которая актуализирует в дискурсе соответствующие слова-концепты, как *свобода, демократия, права человека, либеральная экономика и свобода слова*. Различия в демократическом дискурсе наблюдаются на уровне идиолектов и «определяются» языковой компетенцией политика, индивидуальной речевой одаренностью и прошлым профессиональным опытом (ср. демократы-правозащитники, демократы-экономисты и т.п.). (Китайгородская & Розанова 2003, 171, 173.) Так, для либерального, демократического комплекса идей характерна и определенная тип

риторика. Этот тип риторики связан с демократизацией политической жизни, либеральными реформами в экономике, созданием гражданского общества, приоритетом прав человека в политике. Это установка на прагматизм, проявляющаяся, например, в преобладании относительной шкалы оценки: «лучше – хуже». Это система доказательств, которая построена с опорой на логически непротиворечивые утверждения, это открытость для возражения и спора. (Алтунян 1999, 12-13, 102.)

Коммуникативное пространство трех основных политических направлений дополняется голосами конкретных партий. В современных условиях многоголосия перед партиями стоит задача определить и вербализовать собственный набор актуальных концептов, ценностных ориентиров. (Китайгородская & Розанова 2003, 178, 181.) Этот идейно-стилистический комплекс, состоящий в риторике, в лозунгах и девизах лидеров политических движений, является не только важным дифференцирующим фактором между партиями, но и эффективным мобиливающим избирателей обстоятельством.

7. ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В настоящей главе мы анализируем две статьи, авторы которых являются политическими деятелями сегодняшней России. Обе статьи были опубликованы немедленно после теракта и захвата заложников, произошедшего в г. Беслан 1-го сентября 2004-го года. Обе статьи посвящены в основном проблеме терроризма в нынешней России, но они рассматривают также ситуацию и актуальные проблемы российского общества в целом.

Предметом нашего анализа являются статья председателя КПРФ Г.А. Зюганова «Мы можем сломить терроризм», которая была опубликована в газете «Советская Россия», № 124 (12595), 25-го сентября 2004-го года, и статья лидера партии «Яблоко» Г.А. Явлинского «Что случилось с Россией?», которая была опубликована в газете «Ведомости» в сокращенном варианте 17-го сентября того же года. Отметим, что текст Г.А. Зюганова был впервые произнесен в Думе перед депутатами всех политических фракций.

В следующих разделах мы можем наблюдать столкновение двух разных подходов к основным проблемам российской общественной жизни, что отражается и на отношении к трагедии в Беслане, к ее причинам и следствиям. Авторы заняты не только толкованием событий в контексте жизни людей. Им всегда необходимо и *создать* этот контекст, объяснить эту жизнь в рамках еще более общего контекста: исторического, мистического и т.д. Речь идет о конструировании идеологических координат того мира, в рамках которого объяснение какого-то явления или события – в данном случае, терроризма – будет иметь смысл.

7.1. Г.А. Зюганов: «Мы можем сломить терроризм»

В этом разделе мы проводим анализ статьи председателя Коммунистической партии Российской Федерации Г.А. Зюганова. В самом начале мы представляем главные тезисы, относительно которых происходит аргументация Зюганова. После

этого мы анализируем, какие аргументы приводит Зюганов и какие техники аргументации он использует, чтобы убедить свою аудиторию и доказать правильность и приемлемость своего дела. Затем мы рассматриваем образную систему статьи, которая тоже выполняет функции доказательства, задает рамки, в которых проходит рассуждение Зюганова, и определяет саму логику его рассуждений. Затрагивается и вопрос адресата статьи и внутритекстового «нас». Анализ аргументации у нас происходит преимущественно на уровне конкретных высказываний, но при рассмотрении образной системы и идеологической структуры наш анализ переходит больше на уровень формальных средств, на тот уровень смысла, который стоит за высказываниями. Отметим, что одно высказывание может трактоваться со многих сторон, по-разному, то есть оно у нас может служить примером в разных контекстах.

7.1.1. Аргументация Зюганова

Содержание статьи Г.А. Зюганова можно суммировать в виде ряда тезисов: Первый: терроризм нельзя рассматривать как отдельные преступные действия или как одномоментное явление без истории.

Второй: терроризм – прямое следствие распада СССР. Доперестроечный СССР – это порядок и безопасность.

Третий: нынешней антигосударственной и антинародной власти не удастся бороться с терроризмом. На самом деле, она не хочет бороться с ним, а стремится использовать его в своих узкополитических целях.

Четвертый: единственная цель власти – подавить оппозицию, то есть КПРФ.

Пятый: «Мы можем сломить терроризм.» Изменение курса государства возможно и неизбежно.

Доводы к пафосу очевидно доминируют в аргументации Зюганова. Угроза у него создается тем, что нынешняя власть «преступно и смертельно опасно» рассматривает терроризм «как нечто, родившееся только сейчас, после того как оно залило детской кровью и наполнило страданиями страну». С помощью эмоционально окрашенной лексики Зюганов стремится вызвать определенные чувства у аудитории и в то же

время показать, какими неприятными, даже опасными, последствиями чревата текущая политика:

Еще два-три теракта, подобных Беслану, – и страна начнет рушиться по принципу домино.

...еще две-три катастрофы типа той, что произошла в Беслане, и распад общества примет необратимый характер.

Проблема аргументации с помощью интенсификации речи данного типа часто заключается в том, что она нередко остается недостаточно конкретизированной, чтобы оказать влияние на слушателя/читателя. Это в какой-то мере наблюдается и в аргументации Зюганова. Он не конкретизирует, что именно значит «распад общества» или то, что «страна рушится». Всякая конкретизация заставляет оратора на чем-то остановить свой выбор и предполагает ответственность за этот выбор (Хазагеров 2002, I, 9, www). Если бы Зюганов слишком конкретизировал, что такое «распад общества» – какая именно ситуация будет в обществе и каким образом это будет влиять на жизнь простого человека, если текущая политика будет продолжаться – он бы обязал себя также представить конкретные предложения по улучшению ситуации. Напоминая аудитории об «ужасных кадрах, заснятых в Бесланской школе», и сопоставляя их с «хроникой расправы над защитниками Дома Советов» в 1993-ем году, Зюганов создает представление о власти, которая как тогда, так и сегодня занимается «антинародной государственной деятельностью», которая направлена «против рядовых граждан и остатков демократических свобод».

Россия стоит на грани очередного общественно-политического краха.

Создавая в уме адресата угрозу как результат нынешней политики, Зюганов в то же время дает ему и надежду на лучшее будущее – лишь бы тот принял правильное решение и проголосовал за КПРФ. Если проголосовать за единственную оппозиционную партию страны, исчезнет терроризм и стране вернут «безусловный порядок».

Естественные доказательства, или доводы к очевидному, Зюганов в своей статье применяет довольно часто. В частности, он опирается на фактические данные о деятельности своего оппонента:

Президент Путин предложил недавно три меры: назначение президентом губернаторов (с одобрения законодательных собраний регионов), проведение выборов по партийным спискам и создание Общественной палаты.

Более того, он неоднократно использует слово «решительный», часто используемое Путиным в его речах на тему. Это Зюганов делает именно в ироническом тоне, при помощи кавычек: «полная беспомощность власти, бесконечная симуляция ею якобы ”решительных” мер», или:

Погрязшая в симуляции ”решительной” борьбы с терроризмом, увлеченная подавлением оппозиции исполнительная власть, похоже, не отдают (sic!) себе отчета, что еще две-три катастрофы типа той, что произошла в Беслане, и распад общества примет необратимый характер.

Имитация ”решительных шагов”, которой занята сегодня власть, не в состоянии дать необходимого результата.

Важную роль в естественных доказательствах Зюганова играют также цифры и прочие данные из статистических источников, особенно они применяются как средство отражения превосходства СССР:

Статистика говорит, что после распада СССР терроризм на планете вырос десятикратно, а на территории России – в сотни раз.

За год в десятиmillionной советской столице милиционеры только 14 раз извлекали из кобуры табельное оружие.

В другом месте он проводит аналогичное сопоставление:

Никогда наши спецслужбы не несли таких потерь, как в Беслане. Здесь они потеряли 15 человек убитыми и 22 ранеными. А ведь известно, что во время штурма дворца Амина в Афганистане советские спецподразделения той поры потеряли лишь трех человек, двое раненых умерли потом.

Зюганов нередко в своей речи использует доводы к очевидному, например:

Даже недавние фанатики либеральной идеи не могут не видеть...

Так что становится очевидно: нынешняя власть к объявленной войне терроризма против России абсолютно не готова.

В своей критике, касающейся деятельности власти, Зюганов опирается в значительной мере на аргументы к логосу. Чтобы доказать своей аудитории, что предложения Путина о создании новой Общественной палаты и назначении президентом губернаторов неадекватны в борьбе с терроризмом, он использует дедуктивное рассуждение:

Ведь есть же позорный опыт той палаты, которую в свое время возглавлял Рыбкин. Да и другие новации в этом духе были не лучше.

Доказательность данного довода к логосу в том, что палата никаких общественных проблем не решала тогда – значит, не решит и сейчас. Зюганов строит свою дедукцию на подведении данного случая под общий, о свойствах которого аудитории уже известно.

Назначаемость губернаторов вообще никогда не решала крупных общественных проблем. Скажем, у нас, в России, до 1917 года губернаторы и генерал-губернаторы тоже назначались. Ну и что? Проиграли две войны, разрушили державу, потеряли империю.

В данном аргументе содержится и логическая уловка, так называемая «После этого – значит поэтому» (*Post hoc ergo propter hoc*), которая основывается на том, что отношения следования во времени подаются в рассуждении как причинно-следственные (Хазагеров 2002, I, 6, www). Зюганов хочет, чтобы аудитория соединила в своих умах две совместимые во времени вещи – назначаемость губернаторов и поражение в войне, разрушение державы. Яркое индуктивное рассуждение, со своей стороны, выражается в следующем, обобщающем аргументе Зюганова:

Желающим представить себе коллективный образ будущих губернаторов рекомендую посмотреть на спикера Совета Федерации г-на Миронова и его палату, и тогда все станет ясно.

В аргументации Зюганова наблюдается и рассуждение с дефиницией. Суть рассуждения с дефиницией в том, что в основе противоположного мнения лежит неправильная концептуализация действительности. Следовательно, на ее базе строятся неправильные силлогизмы. (там же, 5.) Данный тип аргументации наблюдается, например, в следующем случае:

Так что становится очевидно: нынешняя власть к объявленной войне терроризма против России абсолютно не готова. Тем более что речь идет о войне нового типа. Войне не просто автоматов и пушек и даже не о войне моторов, какой была Вторая мировая, а о войне умов, новейших технологий и информационных систем, глобальной психологической войне.

Здесь Зюганов дает понять, что у нынешней власти неправильное представление о ситуации, и поэтому она не сможет принять правильных решений.

В ходе своей аргументации Зюганов приводит сравнительно мало этических доказательств. Доводы к этосу обязывают оратора ко многому, ставя его в определенную этическую позицию, а эта позиция должна быть соизмеримой как с

его персоной, так и с его словами (Хазагеров 2002, I, 13, www). Поэтому тонкий политик всегда использует этические доказательства с крайней осмотрительностью. В доказательство желания власти бороться скорее с оппозицией, чем с террористами, Зюганов приводит доводы к сопереживанию, указывая на обвинение председателя Краснодарской гордумы, члена ЦК КПРФ А.И. Кирюшина:

Ветерана, честного, уважаемого человека, захватили и связали прямо у него в кабинете в Думе. Более двух недель голодает в знак протеста против произвола руководитель крупнейшего города юга России, ежедневно в Краснодаре идут митинги и пикеты протеста, но ни парламент, ни прокуратура, ни милиция не реагируют.

Зюганов апеллирует к коллективному чувству справедливости данного этноса – ведь нехорошо захватить «ветерана, честного, уважаемого человека» по «надуманному обвинению» и заставлять голодать более двух недель. Таким образом Зюганов и делает Кирюшина героем, который жертвует собой ради доброго дела, а также мучеником перед произволом власти. Доводы к сопереживанию чаще всего направлены именно на личность. Личность, которая является носителем социально одобренных качеств, вызывает симпатии. (там же, 11.) Сильным доводом к этосу – в большинстве этносов – являются речи о смертной казни. Зюганов говорит:

Я против того, чтобы убивать человека. Но за зло надо карать соразмерно. Иначе зло терроризма окончательно парализует страну.

Зюганов знает, что убивать человека – нехорошо, но чтобы зло не победило, надо принять крайние меры. Говоря о «преступных действиях против оппозиции» и называя деятельность власти «фашизмом», Зюганов опирается на коллективное представление о преступности и фашизме и их отвержение среди своей аудитории. Этнос, к которому он в данном случае апеллирует, – это именно этнические русские. Он опирается на «русский дух, русскую культуру и русскую историю», коллективный опыт Чечни, коллективное отвержение терроризма.

В своей аргументативной стратегии Зюганов в значительной мере опирается на аргументы, основывающиеся на структуре действительности, – причинно-следственной связи. Зюганов создает связь между разрушением СССР и «всплеском терроризма», и прочая аргументация в большой степени основывается на этой связи:

... Волна терроризма ... есть прямое порождение невиданного преступления – разрушения СССР.

Списывать все на Северный Кавказ и на трагические события типа Беслана – бесчестно. Такие трагедии являются лишь следствием того хаоса, что творится в самой Москве, Кремле, во властных инстанциях всех уровней.

Политические деятели склонны искать исторические аналогии для актуальных событий и их участников. И Зюганов во многом опирается на прошлое России и СССР, которое является своего рода точкой отсчета, позволяющей осмыслить настоящее. Привязывая новую, странную вещь – как терроризм – к чему-то простому, знакомому аудитории – СССР – он предлагает, чтобы проблемы современного общества были решены таким же образом. Следовательно, сцепление элементов действительности служит политической интенции Зюганова, которой является доступ к власти. С другой стороны, можно сказать, что он обрабатывает структуру действительности, предлагая опыт СССР как модель или общее правило, согласно которому надо действовать.

Опыт СССР должен быть востребован.

Он как бы делает СССР прецедентом, обобщает таким образом, чтобы опыт СССР был приемлем где и когда угодно. Деятельность нынешней власти Зюганов описывает как «симуляцию» и «имитацию» решительных мер, в противоположность «реальным» и «жестким» мерам, которые он принял бы сам, если бы имел власть.

В общей сложности, в аргументации Зюганова не наблюдается последовательной, единой системы доказательств. Он использует квазилогические аргументы, резко упрощает действительность, чтобы прояснить аудитории, что надо сделать. Он приводит цифровые данные, чтобы создать представление об объективности и научности. В то же время он приводит сильные аргументы к пафосу, как бы поощряет слушателя расчувствоваться. Его логическая убежденность не всегда соответствует его приподнятому эмоциональному тону, из чего вытекает, что не создается защиты от возможных контраргументов.

7.1.2. Адресат статьи и внутритекстовое «мы»

Данный текст был впервые произнесен в Думе перед депутатами всех политических фракций, а потом опубликован в газете «Советская Россия». Непосредственная аудитория – это, конечно, депутаты Государственной Думы и читатели «Советской России». Посмотрим сейчас подробнее, к кому апеллирует Зюганов в своей статье, к кому он обращается.

Первостепенный адресат Зюганова, по нашему мнению, – это коммунисты и другие единомышленники, т.е. депутаты и избиратели КПРФ, читатели газеты «Советской России» – все те, у кого одна и та же идеология и иерархия ценностей. Предварительным договором, на котором Зюганов, апеллируя к этому адресату, основывает свою аргументацию, является, во-первых, договор, касающийся действительности: СССР представляет все хорошее, порядочное, и, следовательно, после его распада жизнь стала гораздо хуже. Во-вторых, Зюганов и его адресат имеют общее мнение о желаемом состоянии дел: фактами первостепенной важности в обществе являются прежде всего порядок, безопасность и социальная защита, и Россия должна быть самостоятельной, могучей державой, готовой защищать себя и русскую культуру. Он обращается и ко всем патриотическим силам вообще:

... У власти есть другой интерес – борьба, а может быть уже и война с оппозицией, с коммунистами и патриотами.

России объявлена война ... против коммунистов, против всех патриотических сил.

Апеллируя к единомышленникам, оратору не надо приводить столь убедительные доказательства, чтобы предлагаемые им тезисы стали приемлемыми.

Зюганов имеет своим центральным адресатом также власть и оппозицию – тех, кого он критикует в течение всего выступления. Большею частью он обращается «наверх», то есть его уничтожающей критике подвергаются чаще всего власть имущие, но в какой-то степени и правые силы. Он прямо апеллирует даже к президенту:

Г-н Путин, неужели не понятна двойная игра тех, кого вы называете вашими друзьями и союзниками на Западе?

Среди его адресатов есть также армия и милиция; все те, кто получает свою зарплату из госбюджета:

Как может прожить участковый с семьей на четыре тысячи рублей, а следователь – на четыре с половиной тысячи?

Противопоставление «мы/другие» («наши/другие») четко наблюдается в тексте Зюганова. Для него «мы» – это в первую очередь КПРФ и единомышленники:

Мы считаем, что государственная реформа в стране должна проводиться всерьез.¹

Поэтому *мы* говорили и говорим: необходимо предельно ответственно и честно смотреть на проблему терроризма, не пытаясь использовать ее для решения каких-либо узкополитических задач.

Мы – это все те, кто «знает, чего ждать дальше», те, кто хочет помочь стране выбраться «из ямы». Зюганов хочет отождествляться и с народом, что отражается, например, в использованных им идеологемах типа «народ», «всенародный» – в то же время как оппонент характеризуется как «антинародный» – и также в ситуациях типа:

Похоже, что *нашей* власти неведомо, как на деле надо бороться с терроризмом.

Сегодня *мы* живем в государстве, у которого, по сути, нет границ, и поэтому оно проницаемо для любых преступных и подрывных вторжений. *Это* государство не в состоянии себя элементарно защитить.

Он как бы хочет сказать, что сейчас нам – народу и Зюганову – приходится жить в чужом государстве, под чужой властью. Один из ярких риторических приемов «отчуждения» референта строится именно на присоединении к слову указательного местоимения *этот* (Китайгородская & Розанова 2003, 232). Указывая на своих оппонентов, Зюганов нередко использует данный прием:

Эти люди лишены не только политического опыта и чутья, но *они* не знают и нашей истории.

... У *этой* власти есть другой интерес – борьба ... с коммунистами ...

В речи Зюганова «они» – это власть, «единороссы»; все те, кто «преступно и смертельно опасно рассматривает терроризм как одномоментное явление», и те,

¹ В этом разделе все курсивы наши. – Л.Р.

кто «погрязнул (sic!) в симуляции ”решительной” борьбы с терроризмом». Более того, это те, кому

недосуг ознакомиться с колоссальным опытом борьбы с преступностью, включая политический экстремизм, который был накоплен в *нашей* стране.

Так, следует отметить, что «враг» Зюганова – это не столько террористы, сколько нынешняя «антинародная» власть и «публика, которая трется вокруг ”партии власти”, «криминалы и чиновники». Нам кажется, что «мы» Зюганова в тексте остается более неопределенным, чем его «их». Путем использования неопределенного «нас» он стремится убедить свою аудиторию в общих целях, в том, что он борется за интересы «всего народа», все-таки оставляя подробные отношения обязанностей открытыми.

7.1.3. Образная система статьи Зюганова

Рассмотрим сейчас, какую действительность для адресата создают образы и метафоры, использованные Зюгановым. В ходе анализа мы опираемся на понятие метафоры как основной ментальной операции, как способа познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли с помощью метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. (Чудинов 2002, 1, www.) Более того, мы опираемся на понятие метафорической модели – существующей в сознании носителей языка взаимосвязи между понятийными сферами, при которой система фреймов (концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени)². При таком моделировании обычно сохраняется и эмотивный потенциал, свойственный концептам сферы-источника, что создает возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникации. (там же, 2.)

² Соответствующие термины у Лакофа и Джонсона – «исходная область» и «предметная область», см. выше.

При критическом рассмотрении политической ситуации в стране Зюганов чаще всего использует метафоры из понятийной сферы «Болезнь», как например:

Терроризм это всегда болезнь того общества, в котором он проявляется.

В подобного рода метафорике политические структуры государства (и страна в целом) представляются как страдающий от болезни человек. «Идущие во власть» политики стремятся показать, до чего довели страну их оппоненты, и соответственно «власть имущие» демонстрируют, как много им удалось сделать в чрезвычайно сложных условиях. И те, и другие стремятся представить себя опытными медиками, способными не только поставить диагноз, но и с помощью эффективных лекарств добиться полного выздоровления пациента. Соответственно политические оппоненты представляются как физически и психически больные люди, уже принесшие родине много несчастий и способные окончательно ее погубить. (Чудинов 2002, 7-8, www.) Критикуя Кремль и его деятельность, Зюганов говорит:

Именно здесь та раковая опухоль российского общества, что дает свои метастазы повсеместно – от Северного Кавказа до Дальнего Востока.

Метафоры со сферой-источником «Болезнь» носят преимущественно эмотивный характер, то есть они создаются прежде всего для того, чтобы перенести имеющееся у слушателя/читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (сочувствие к больному) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова (сочувствие к России, к обществу). Медицинская метафора способствует формированию прагматических смыслов, связанных с заботой, уходом, и вместе с тем предопределяет отношение к стране и обществу как к пациенту, который уже не может отвечать за свои действия. (там же, 8.)

Сфера-источник «Война» тоже часто используется Зюгановым. Слово «война» не раз появляется в статье: «Какая война объявлена России», «война с оппозицией». Кроме того, Зюганов применяет разнообразные фреймы из концептуальной сферы «Война», когда он ссылается на деятельность оппонента: «сдача остатков собственных позиций», «уничтожить всю правоохранительную систему», «открыли антитеррористическую кампанию» и т. д. Процесс принятия решений

включает в себя два этапа: оценка альтернатив разрешения проблемной ситуации и выбор из них для достижения поставленной цели. В принятии политических решений метафоры играют особую роль: они стимулируют формирование тех альтернатив, из которых далее производится выбор. Военная метафора не оставляет никакого выбора: оппонент – враг, и нам следует его уничтожить. (Баранов & Караулов 1993, 4, www.) Милитарная метафора позволяет создавать в уме адресата представления об особых, чрезвычайных условиях – условиях войны – которые, конечно, требуют соответственно чрезвычайных решений. Так, альтернативы принятия решений задаются и ограничены самой метафорой (там же, 3).

В речи Зюганова часто появляются и метафоры со сферой-источником «Театр». Кроме стертых метафор, как, например, «трагедия», которая обозначает события в Беслане, наблюдаются и более живые метафоры. Мы относим к ним все выражения, которые имеют или могут иметь связь с театром и зрелищным искусством и условно включаем в них и такие выражения, которые не имеют конкретной связи с театральной лексикой, но функционируют подобно театральным метафорам со словом *маска*: «Попрание закона под вывеской борьбы с терроризмом – опаснейшая тенденция...», или «имитация ”решительных шагов”» – это «банальная ширма, скрывающая бессилие существующей власти». Театральная метафора акцентирует не жесткое противоборство – как военная метафора, – а лицемерие участников политической жизни, лживость обещаний оппонента, наличие тайных режиссеров и сценаристов в политической жизни страны (Чудинов 2002, 6, www). Иногда у Зюганова театральная метафора сменяется метафорой циркового представления: «Власть ... отделяется клоунадой, ... пускается в русофобские виражи». Прагматический потенциал данной метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности (там же, 7).

Зюгановым используется также сфера-источник «Мир криминала». Криминальная метафора пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, противоестественности существующего состояния дел (Чудинов 2002, 9, www), ср.:

Преступно и смертельно опасно рассматривать терроризм как одномоментное явление...

Для криминальной метафоры характерно резкое противопоставление «своих» и «чужих»; говоря об «определенных властью имущих кругах» и «узеньком круге поделщиков», Зюганов четко отделяет себя от «них» – от «жулья» и преступников. Криминальная метафора всегда несет негативную оценку действительности, особо выделяя отсутствие в стране свободы, нравственную ущербность и виктимное самосознание русского народа (там же):

Поправление закона... – опаснейшая тенденция, прямо ведущая к установлению полицейского режима. Причем полицейского режима, направленного не против преступности и вооруженного экстремизма, а против рядовых граждан и остатков демократических свобод.

Итак, какая же картина мира складывается Зюгановым? Какими являются те основные образы-понятия, которые он предлагает своему адресату?

Образ врага. Как уже выше отмечалось, первостепенный враг Зюганова – это не террористы, а власть. Терроризм у Зюганова метафорически моделируется как стихия, болезнь или плод. Кажется, он всегда представляется как что-то дикое, неограниченное: «волна терроризма, с головой захлестнувшая современный мир и смертельно душащая Россию...». Это «костер» или «пожар», который легко распространяется, разрастается, если нынешней политике позволяют продолжаться:

Вот тогда-то все и запылает.

Терроризм – это «болезнь того общества, в котором он проявляется», более того, болезнь, которая «парализует». Терроризм описывается Зюгановым как что-то сильное, стихийное, опасное, что надо покорить – или «сломить». Это – «плоды расправы над элитой силовых структур». Образ власти – собственно врага – в тексте является довольно сложным, многообразным – даже непоследовательным. Власть – это человек, у которого дырявый костюм, и все меры, принимаемые властью, это «заплатки на дырявый коррумпированный костюм государственной власти!» Далее, Зюганов говорит о ситуации в стране:

Разрастание горячих точек в один громадный костер разрушающих страну событий.

Тем самым он дает понять, что это власть своей слабой политикой зажгла тот костер, огонь, который так легко распространяется по всей стране, и, более того, у нее «просто нет сил этот пожар остановить». Власть не хочет, не может защитить Россию – она способна лишь к «судорожным экстраординарным действиям и истеричным заклинаниям», она парализована событиями типа Беслана, «лишена остатков воли и решительности». С другой стороны, власть является и активным и целеустремленным деятелем: она «раздувает хаос», «уничтожая правоохранительную систему страны», она «увлечена подавлением оппозиции», организует «преступный разгром парламента». Зюганов говорит:

Сегодня наше общество пожинает кровавые и позорные плоды расправы над элитой силовых структур.

То есть общество пожинает те плоды, которые власть «посадила». Отметим, что разница между властью и террористами оставляется Зюгановым неясной, что, несомненно, является его стратегическим выбором. Деятельность власти и терроризм отождествляются в высказываниях типа:

Дает о себе знать традиция государственного терроризма, которая тянется еще с расстрела парламента в 1993 году. Не случайно ужасные кадры, заснятые в Бесланской школе, так похожи на хронику расправы над защитниками Дома Советов. И то, и другое является плодом антинародной государственной деятельности...

Власть имущие – это «узенький круг подельников», «жулье», которое «расправляется с оппозицией», «сознательно обманывает» и «попирает закон». Они также слабые «горе-реформаторы», которые «погрязли в симуляции решительной борьбы с терроризмом». Они – «кремлевские сурковы», у которых «нет сил остановить пожар». Власть «боится русского вопроса» и «пускается в более или менее откровенные русофобские виражи». При формировании образа врага Зюганов связывает все в один пучок: террористов, Кремль, Путина, друзей и союзников на Западе.

Разве мы не знаем, кто стоит за террористами, окопавшимися в Панкиском ущелье в Грузии?

Зюганов хочет решить не столько проблему терроризма, сколько проблему «преступной» власти.

Образ общества. Образ общества (России) в речи складывается, как правило, через его персонификацию. Сегодняшнее российское общество, по Зюганову, – это человек страдающий, больной, чуть не умирающий:

Именно здесь та раковая опухоль российского общества, что дает свои метастазы повсеместно – от Северного Кавказа до Дальнего Востока.

Смысл Зюганова в своей простоте таков, что общество болеет, нынешняя власть – это рак, ослабляющий общество, а терроризм – метастазы этого рака. Образ России как субъекта действия становится в тексте заметно пассивным, слабым: Россию «смертельно душат», ее толкают «на грань общественно-политического и государственного краха» и даже «столкнули в яму». Россия «оказалась под ударом» – она просто «не в состоянии себя элементарно защитить». Показывая Россию жертвой, Зюганов ставит себя в положение потенциального спасателя, медика, который вылечит больного, лишь бы ему предоставили возможность. А как Россию, по Зюганову, вылечить? Сначала русская культура и русская история должны «начать вновь выполнять свою роль базиса нашего общества»;

В телеэкране народ должен видеть свою жизнь, свои духовные и национальные корни ...

– то, как «собственно живет страна». Если бы Зюганов имел власть, он заставил бы СМИ показывать «созидательную сторону жизни», он собрал бы общественную палату «не из мелких карьеристов, а из серьезных и ответственных людей», и еще удвоил бы госбюджет:

... ведь бюджет-то этот мизерный, нищенский, позорный – 100 миллиардов долларов на всю огромную Россию, на 145 миллионов населения?

Смысл Зюганова здесь таков, что честный русский народ заслуживает больше.

В конечном итоге, логика рассуждений и образной системы Зюганова основывается на том, что основной проблемой нынешнего российского общества является не столько терроризм, сколько власть и ее «губительная политика во всех отраслях». Соответственно, Зюганов оставляет довольно абстрактными, слабыми и неясными свои предложения по улучшению борьбы против терроризма, напр.:

Необходимо предельно ответственно и честно смотреть на проблему терроризма.

Что это значит? Можно ли таким образом остановить волну, погасить пожар? Последовательность рассуждений Зюганова ставится под вопрос.

Основной интенцией данной речи является не программа по ликвидации терроризма, а то, чтобы у адресата появилось и укрепилось представление о дурной власти и «разрушительной» политике, «которая ведется на протяжении последних полутора десятков лет». Иными словами, все плохое сегодня – «прямое порождение невиданного преступления – разрушения СССР». Следовательно, «настоящая альтернатива», которую Зюганов предлагает обществу, «путь решений всех проблем, в том числе и терроризма» – это СССР.

7.2. Г.А. Явлинский: «Что случилось с Россией?»

В настоящем разделе мы рассматриваем статью председателя партии «Яблоко» Г.А. Явлинского. Статья основывается на позиции партии, заявленной с учетом обсуждения проблемы терроризма в России на заседании Бюро РДП «Яблоко» 27-го августа 2004 года в Москве и опубликованной в газете «Ведомости» в сокращенном варианте 17-го сентября того же года. Мы рассматриваем полную версию статьи, которая находится на официальном сайте Явлинского.

Метод нашего анализа будет тем же, как и в предыдущем разделе, в котором рассматривался текст Геннадия Зюганова. В самом начале мы представляем главные тезисы, относительно которых происходит аргументация Явлинского. После этого мы анализируем типы доказательств и техники аргументации, используемые Явлинским для убеждения аудитории. Потом мы затрагиваем проблему адресата текста и внутритекстового «нас». В конце раздела мы рассматриваем образную систему статьи; какими являются те метафоры и образы, с помощью которых Явлинский создает для адресата свою картину мира.

Статья Явлинского содержит ряд тезисов:

Первый: Основная проблема в сегодняшней России не столько дурная власть, сколько нынешняя *система*, которая делает такое применение власти возможным и поддерживает его.

Второй: Нынешняя система не способна защищать людей от терроризма. Она работает на защиту власти, ее приоритетов и амбиций, а не людей.

Третий: Проблема российского терроризма не исчезнет, пока ситуация в Чечне не поправится.

Четвертый: Решение проблем на Северном Кавказе без демократизации жизни людей, прекращения бесчинства силовых структур и ответственной экономической политики невозможно.

Пятый: Россия утонула во лжи и цинизме.

7.2.1. Аргументация Явлинского

Аргументация, представляемая Явлинским в его статье, основывается главным образом на этических доказательствах. Он сильно апеллирует к нравственным представлениям своей аудитории и призывает ее сочувствовать жертвам террористических атак.

Нельзя дальше жить так, как будто ничего не случилось, только потому, что беда не коснулась лично тебя или твоих близких. Уже коснулась.

Террористические атаки, в результате которых гибнут безвинные и безоружные люди, дети, женщины, не имеют никаких оправданий – ни политических, ни моральных, ни религиозных, ни идеологических.

Его доводы к сопереживанию предполагают коллективное признание, во-первых, того, что насилие против обыкновенных людей во всех условиях предосудительно, и, во-вторых, того, что женская и детская жизнь всегда первостепенна.

Самым интересным моментом в доводах к этосу у Явлинского, по нашему мнению, оказывается то, когда он говорит о роли Кремля в решении ситуации в Беслане и, в особенности, об ответственности самого президента. Как, например:

Не был на месте событий создан штаб с реальными и абсолютными полномочиями. Не был назначен такой начальник штаба, который имел бы право и был бы обязан принимать любые решения с целью спасения жизни заложников, включая и рекомендации о том, нужно ли и в какой форме участвовать в этом процессе лично президенту.

Доводы к отвержению редко направлены на личность. Осуждая кого-либо, оратор обычно называет такие его качества, которые порицаются принятой у нас моралью.

Но часто это не самый удачный способ применения доводов к отвержению. (Хазагеров 2002, I, 12, www.) Явлинский ставит президенту в вину неудачу операции, опираясь на представление о том, что хороший лидер по мере надобности дает полномочия способным подчиненным.

Президент не нашел никого в ФСБ, МВД, МО или Совете Безопасности, кто мог бы руководить операцией. Он был вынужден принимать не только политические, но и многие тактические и технические решения по операции ... и, вместо специально созданного штаба, в постоянном диалоге с террористами по существу оказался сам президент.

Думаю, президент понимает, что несет огромную ответственность за случившееся.

Согласно Хазагерову, использование несимпатичных свойств человека в качестве доводов к отвержению – распространенная ошибка политической риторики. Общество с подозрением относится к тому, кто ругает других. (там же.) Плохое впечатление от обвинений может сгладить «мораль» - так и поступает Явлинский. Говоря о «спасении жизни людей», «спасении заложников и в первую очередь – детей» и, еще раз, о «спасении жизни заложников», он апеллирует к коллективному чувству нравственности, точнее – коллективному отторжению своекорыстия. Смысл его таков, что плохо и крайне корыстно стремиться извлечь себе выгоду в кризисной ситуации, в то же время ставя под угрозу жизнь безвинных людей и детей.

Кроме доводов к этосу, аргументация Явлинского состоит из естественных и логических доказательств и доводов к пафосу. Доказательная сила естественных доказательств в их (внешней) объективности. Обладая ими, оратор старается подчеркивать, что «это уже не слова, а реальное дело, настоящие факты» (Хазагеров 2002, I, 2, www). Цифры, расчеты и другие фактические данные – естественные доказательства – привязывают обещания и угрозы Явлинского – доводы к пафосу – к актуальной действительности, как например:

Необходимость содержательной и ответственной экономической политики для всего северокавказского региона очевидна. Необходимы рабочие места – сегодня безработица там доходит до 80%, дороги, современная инфраструктура, образование, медицина. Короче говоря, необходимо, чтобы Северный Кавказ был на среднероссийском уровне. Это дорого – по нашим расчетам 6-7% ВВП в течение 10-15 лет. Но в противном случае Россия расстанется с Кавказом или события там развалят саму Россию.

И еще, в другом месте:

Скоро исполнится 10 лет с того дня, как Борис Ельцин развязал войну на Северном Кавказе и 5 лет, как Владимир Путин при поддержке так называемых «правых политиков» («В Чечне возрождается российская армия») и значительной части СМИ ее продолжил. Итог ясен – война разрушает Россию и сливается с международным терроризмом.

Роль естественных доказательств у Явлинского выполняют также высказывания его оппонентов. Он говорит о системе, которая строится «известными журналистами, политологами, пиарщиками, политиками, чиновниками и олигархами», и цитирует их лозунги:

«У нас как в Китае», «Нам еще рано», «У нас такой народ», «Пока нужно так, а потом сделаем по-человечески», «Мы еще не дозрели», «Демократия – это не для России».

В политической риторике часто встречаются такие расплывчатые указания на источник доказательств. Согласно Хазагерову, объективирующая роль таких анонимных свидетельств сильно снижена, и они не обладают неопровержимой силой естественного доказательства (там же, 3). Далее Явлинский цитирует названия, данные нынешней системе:

Это называлось: «управляемая демократия», «вертикаль власти», «стабильность», «сильная власть», «популярный президент», «единство страны», «третий путь», «Евроазия», «многополярный мир»...

Возможно, убедительность ссылок Явлинского выросла бы, если бы он точнее назвал источники.

Естественными доказательствами являются и доводы к очевидному. В тексте Явлинского их достаточно много, такие как: «конечно», «понятно, что...», «естественно, что...», «вывод понятен: ...» и т.д.

Несмотря на то, что в самом начале своей статьи Явлинский говорит, что «Проблема российского терроризма такая сложная и запутанная, что разобраться в этом можно лишь ... с помощью логики», в своей аргументации он относительно мало опирается на логику, т.е. логические доказательства. Можно сказать, что рассуждение с дефиницией наблюдается тогда, когда Явлинский говорит о нынешней системе.

Эта система полностью устраивает узкий круг людей, назвавших себя государством, успешно обслуживает их экономические интересы. ...

Поэтому важно не столько то, что именно случилось, и кто именно совершил те или иные конкретные поступки или принял решения, а то,

что вся система сработала на защиту власти, ее приоритетов, ее амбиций, ее интересов, а не людей, не детей.

В нынешней системе так происходит всегда автоматически, будь это террористическая атака, экономический дефолт или война в Чечне.

Таким образом Явлинский дает понять, что в основе нынешней ситуации в стране лежит неправильная концептуализация действительности со стороны власти, и поэтому власть не сможет принять правильных решений. Согласно Явлинскому, основная ошибка – предполагать, что главная проблема в людях, и соответственно, думать, что решение – это менять людей. Главная проблема, по Явлинскому, – это именно система, которая «полностью устраивает узкий круг людей, назвавших себя государством, успешно обслуживает их экономические интересы». Следовательно, решение – это коренное преобразование системы.

В своей статье Явлинский использует как ассоциативные, так и диссоциативные техники аргументации. Ассоциативное рассуждение наблюдается, во-первых, тогда, когда он приводит аргументы, основывающиеся на структуре действительности. У Явлинского такими структурами являются, как правило, каузальные отношения. На подобные причинно-следственные связи он опирается в особенности тогда, когда он говорит об отношении между ситуацией в Чечне и ситуацией в сегодняшнем российском обществе, как например:

Пятнадцать лет политики унижения, укрощения, обмана, подавления народа в Чечне не могут не иметь трагических последствий. Такая ситуация не позволяет сделать положительный прогноз для России.

или:

Необходимо немедленное прекращение бесчинства силовых структур – исчезновения людей, пыток, издевательств, убийств, карательных операций. Важнейшее дело – создавать для России друзей на Кавказе, а не новых врагов. Иначе парад «шахидов» не закончится никогда.

Терроризм, война, тревожное внутреннее положение в стране – это прямое следствие «политики унижения» и «подавления народа» в Чечне. Согласно Явлинскому, деятельность власть имущих в течение последних пятнадцати лет привела Россию к нынешнему нетерпимому положению. Или скорее, сложившаяся с течением того же времени система *позволяла и поощряла* данную деятельность.

Режим, действующий на основе принципа достижения политических побед любой ценой и объявления поражений победами во имя сохранения престижа образа государственной власти, развивает радикальные настроения, вызывает скрытый рост преступности и

экстремизма, который прорывается наружу в самых отвратительных формах.

Аргументы, создающие действительность, в тексте наблюдаются значительно реже. Наше внимание обратил на себя только один случай:

Европейская система организации жизни, политики, экономики (к которой присоединились Польша, Чехия, Литва и другие, очень похожие на нас в прошлом страны) реальна и эффективна, несмотря на недостатки. Поэтому ответ на вопрос «что делать» по большому счету ясен.

Явлинский делает из «европейской системы» модель и общее правило, на которое он опирается в своем рассуждении. Он хочет убедить читателя в том, что европейский образ организации жизни, политики и экономики, хотя он имеет недостатки, самый хороший вариант. Более того, он делает Польшу, Чехию и Литву «прецедентом», чтобы еще лучше убедить адресата в справедливости своего дела. Если европейская система желательна и реально достижима Польше, Чехии и Литве – «очень похожим на нас в прошлом странам» – то она может быть реальна и России. Поэтому не нужно спрашивать «что делать» – ответ на этот вопрос для Явлинского ясен – а именно «как это сделать», как России этого достичь.

Нам кажется, что суть аргументативной стратегии Явлинского в диссоциативном рассуждении. Данная стратегия основывается на противопоставлении «явления» и «действительности» или «названия» и «вещи», из которых первое понятие представляет что-то обманчивое или мнимое, а второе – что-то реальное и истинное.

Система эта сложилась неслучайно. Ее осознанно, умышленно строили под лозунгами «У нас как в Китае», «Нам еще рано», «У нас такой народ», «Пока нужно так, а потом сделаем по-человечески», «Мы еще не дозрели», «Демократия – это не для России». ...

Это называлось: «управляемая демократия», «вертикаль власти», «стабильность», «сильная власть», «популярный президент», «единство страны», «третий путь», «Евроазия», «многополярный мир»...

Для Явлинского действительность и суть всей проблемы – это *система*, а вышеупомянутые лозунги – лишь обманчивые названия, вводящие людей в заблуждение. Он стремится убедить адресата в том, что «управляемая демократия», «стабильность» и «единство страны» – это лишь поверхность; названия, с помощью которых «журналисты, политологи, политики, чиновники и олигархи» стараются

скрывать действительность – систему, которая «полностью устраивает узкий круг людей, назвавших себя государством».

К сожалению, именно такая система адекватна стране, тому, что называется современным российским обществом, и, кроме того, отражает еще и некоторые весьма существенные мировые тенденции.

Стране не хватает общества. Государство – лишь название для системы, которая работает «на защиту власти» и «официальная публичная составляющая» которой «только ложь и умолчание».

7.2.2. Адресат статьи и внутритекстовое «мы»

В своих рассуждениях Явлинский исходит из некоторых априорных для него положений, на которые он опирается. Это, например, априорно принимаемые послышки, система ориентаций, ценностная иерархия. Первостепенный адресат Явлинского – это те, у которых одна и та же ценностная иерархия, как у него. У Явлинского на самой вершине этой иерархии находятся права человека и демократия.

Террористические атаки, в результате которых гибнут безвинные и безоружные люди, дети, женщины, не имеют никаких оправданий – ни политических, ни моральных, ни религиозных, ни идеологических.

Невозможно решение проблем на Северном Кавказе без последовательной и настойчивой демократизации жизни людей. Это означает, что именно они должны реально все больше и больше определять, кто будет ими управлять. Продолжение насилия из федерального центра не имеет перспективы.

В мире Явлинского ничто не дает права подвергать угрозе жизнь «безвинных и безоружных людей» и главная проблема на Северном Кавказе – это отсутствие демократии.

В основе аргументации лежит соглашение с адресатом о предварительных договорах. Под предварительными договорами, то есть невысказываемыми предпосылками аргументации, подразумевается та группа вещей, лишенная всякой спорности при каждой данной аудитории – которую считают само собой разумеющейся. Таким договором, касающимся действительности, между Явлинским и его адресатом является, во-первых, соглашение о том, что демократия – это самая лучшая политическая система. Во-вторых, они соглашаются о том, что ситуация в Чечне и

вообще на Северном Кавказе вызывает большую часть проблем и опасностей в сегодняшней России и причиняет большой ущерб в обществе. Предварительный договор, касающийся желаемого состояния дел, – это без сомнения то, что человеческое достоинство всегда и везде бесспорно и, более того, принадлежит всем. Явлинский полагается на россиян – как русских, так и чеченцев – и поэтому демократический строй – самая лучшая альтернатива также для России и российских людей.

В политическом тексте местоимением «мы» идентифицируют и разграничивают противников. Однако прямое противопоставление «мы/они» в тексте Явлинского оказывается относительно слабым. Вместо того, чтобы «мы» у Явлинского ссылалось на него и его партию, оно чаще всего ссылается вообще на Россию или российских людей. Примеров много: «Система эта для *нас* не новая...», «Сегодня главный вопрос для *нас* – как это сделать?», «наша конституция» и так далее. Но, в более определенном смысле, в роли «мы» у Явлинского могут быть и «независимые политические партии», «критически настроенные политики, представители гражданских организаций, добросовестные интеллектуалы» – все те, кто *видит*:

Что может быть официальной составляющей такой системы? Только ложь и умолчание. *Мы* видим это каждый день. Свободу слова, которая у нас была в начале 90-х, обменяли на деньги, собственность, власть.

Зона «чужого» у Явлинского определяется в какой-то степени яснее. «Они» - это власть, «режим, действующий на основе принципа достижения политических побед любой ценой».

Эта система полностью устраивает узкий круг людей, назвавших себя государством, успешно обслуживает *их* экономические интересы. И естественно, что спецслужбы и правоохранительные органы «заточены» обеспечивать безопасность *этой* группы лиц, а граждан страны *они* защищать от опасности, в том числе от терроризма, не приспособлены.

«Они» - это «известные журналисты, политологи, пиарщики, политики...» и все другие, которые участвуют в строительстве и поддержке этой системы – те, кто утопил Россию «во лжи и цинизме».

Следует однако отметить, что Явлинский использует местоимение «они», ссылаясь и на единомышленников.

Есть люди, *их* не мало, которые без этого просто не могут существовать. Однажды глотнув правды и свободы, понадеявшись на возможность жить в России, соблюдая человеческое достоинство, *они* стали внутренними «невозвращенцами».

По нашему мнению, это интересный и характерный момент для всего текста. Явлинский как будто смотрит на политическую ситуацию в России *сверху*, будто бы он сам не участвовал в ней или хотел участвовать. Он пишет не как политик и лидер партии, а скорее как журналист, политолог или какой-то внешний наблюдатель. Он не говорит, что нужно просто дать *нам* говорить и слушать, а «нужно просто дать *людям* говорить и слушать». Кроме того, он говорит: «Эта кампания сможет объединить тех, кто считает себя или действительно является оппозицией», вместо того, чтобы он говорил: Эта кампания сможет объединить *нас*, кто считает себя или действительно является оппозицией. Такая речь может, конечно, поставить мобилирующий потенциал всего текста под вопрос.

7.2.3. Образная система статьи Явлинского

Сейчас рассмотрим, какую картину мира для адресата создают образы и метафоры Явлинского. Заметно, что в статье Явлинского нет никакого значительного сферисточника, который задавал бы рамки его образной системе. Его образная система в тексте становится достаточно слабой, непостоянной и, можно сказать, неубедительной. Политическая жизнь в сегодняшней России метафорически концептуализируется в статье в какой-то мере как театральное представление. Подобная метафора акцентирует лицемерие участников политической жизни, лживость их обещаний, наличие тайных режиссеров и сценаристов в политической жизни страны.

Можно представить, что Явлинский видит все политическое пространство в России как сцену, где различные актеры играют свои роли по заранее разработанным сценариям и под руководством режиссеров. Всемогущий режиссер тут, конечно, Москва, у которой есть власть решать о том, кто выйдет на сцену и кто нет, и о распределении ролей между теми, кому разрешается выступать на сцене. Благоклонные к режиссеру актеры могут играть в главных ролях, а остальные попадают на край сцены, их отодвигают «в тень».

Меры технического характера ... они втягивают нас в бессмысленную имитацию деятельности, амортизируют общественное мнение. Продолжать апеллировать к бутафории демократии с частными требованиями – значит укреплять недееспособную систему еще и своим собственным участием.

Явлинский хочет дать понять, что то, что люди каждый день видят, – это лишь спектакль, «имитация деятельности» и «бутафория демократии». Субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а исполняют предначертания Кремля. Настоящая политическая жизнь происходит за кулисами, где и принимаются все значительные решения.

Театр как сфера-источник создает отличные условия для реализации эмоционального заряда метафоры. Высокая структурированность театрального мира как исходной сферы для метафоры, достаточно объемное представление большинства носителей языка об этой структурированности и их естественный интерес к зрелищным искусствам вызывает то, что «зрелищная метафора» обычно хорошо воспринимается адресатом. (Чудинов 2002, 7, www.) Театральные метафоры Явлинского, однако, чаще всего стерты, и таким образом необязательно получают желаемой доказательной силы.

Кроме сферы-источника «Театр», Явлинский лишь случайно использует другие исходные области, чтобы метафорически представлять политическую жизнь в России. Правда, в статье появляются стертые метафоры из понятийных сфер «Спорт» и «Война», как, например, «политические победы», «объявление поражений», «захват командных высот», «бороться за то, чтобы люди понимали» и «политические противники и даже враги», но они прежде всего одиночные выражения, которые не составляют никакого образного целого.

Образ врага. Преимущественный враг Явлинского в его статье – это, бесспорно, политическая и социально-экономическая система, сложившаяся в России в последние 10 лет. Данная система у него метафорически моделируется прежде всего как строение, дом.

Система эта сложилась неслучайно. Ее осознанно, умышленно строили под лозунгами «У нас как в Китае», «Нам еще рано» ... Занимались этим, кстати, наша доблестная элита, в первых рядах которой шли многие известные журналисты, политологи, пиарщики, политики, чиновники, олигархи и прочие под управление вначале Бориса Ельцина, а затем с особым успехом – Владимира Путина.

Система представляется Явлинским как дом, который «доблестная элита» строит уже 10 лет. Руководством стройки является Кремль, производителем работы в 90-х годах был Борис Ельцин, а сегодня – президент Путин. Этот дом строился «на развалинах советской системы», и, может быть, поэтому его «устои не выдерживают». Образ дома становится еще более четким, когда Явлинский говорит: «... в авторитарной системе, где всем в стране управляют из одной комнаты...». Кажется, что внутри дома есть и закрытые комнаты, как, например, «дело ЮКОСа и другие запретные сегодня темы».

Система представляется у Явлинского также как более абстрактное явление, как самодействующий и самообеспечивающий строй – чуть не активный деятель.

Эта система полностью устраивает узкий круг людей, назвавших себя государством, успешно обслуживает их экономические интересы.

Поэтому важно не столько то, что именно случилось, и кто именно совершил те или иные конкретные поступки или принял решения, а то, что вся система сработала на защиту власти...

Система предлагает «набор инструментов», с которыми этот «узкий круг людей» может действовать. Врагами лишь второстепенного значения в тексте являются «строители» нынешней системы и те, кто ее поддерживает и от нее выигрывает.

Терроризм и война, со своей стороны, у Явлинского метафорически моделируются как стихия, наводнение.

Можно, конечно, спрятаться от наводнения под диваном, но через какое-то время вода придет и затопит и тебя, и диван.

Явлинский хочет дать понять, что власть не способна разобраться в проблеме российского терроризма. Она «списывает все на внешние факторы» и таким образом старается «спрятаться от проблемы» и никогда не исправляет ситуацию. Власть хочет «спрятаться от наводнения под диваном», но это невозможно потому, что со временем «вода придет и затопит и тебя, и диван». Согласно Явлинскому, нынешняя политика – это диван, который не будет держаться на поверхности, когда наводнение придет.

Образ общества. Образ общества у Явлинского можно представить, пользуясь его образом врага.

В условиях жизни на развалинах советской системы, под руководством худшей части советской номенклатуры ... массированное целенаправленное манипулирование и оболванивание людей дало результат. К сожалению, именно такая система адекватна стране, тому, что называется современным российским обществом ...

Образ России в тексте в какой-то мере складывается через ее персонификацию, как например: «Что случилось с Россией? Она утонула». Страна представляется беспомощной жертвой, которую утопили «во лжи и цинизме». Важно отметить, однако, что хотя Явлинский думает, что Россия уже потеряна, он твердо верит в *людей*, которым «жить надо дальше и пытаться выплыть» и «не идти ко дну в этом море лжи и цинизма».

Есть люди, их не мало, которые без этого просто не могут существовать.

Однажды глотнув лекарства правды и свободы и соблюдая человеческое достоинство, «они стали внутренними ”невозвращенцами”».

Россия сегодня живет «на развалинах советской системы», вроде как не в том доме. Этот дом строился на «лжи и умолчании», и поэтому ему постоянно угрожает развал. Общественное мнение «амортизировано», общенациональная дискуссия «кастрирована» и людей как бы прогнали под землю, в подвал. Там развиваются «радикальные настроения», которые могут «прорваться наружу в самых отвратительных формах».

Жизнь после Беслана показывает чрезвычайно горькую вещь – не только гражданского, вообще общества в стране, похоже, нет. Люди хорошие есть, их много, а общества нет.

По Явлинскому, Россия живет во лжи: «Общества нет». Общества и не может быть в системе, которая, по Явлинскому, имеет следующие признаки:

... фактическое отсутствие в стране: независимых политически значимых СМИ; самостоятельного выражающего интересы различных слоев общества парламента; независимой юстиции; подчиняющихся только закону суда и прокуратуры; гражданского контроля за спецслужбами и правоохранительными органами; справедливых выборов; полное слияние бизнеса и власти; клановое управление страной.

Говоря об обществе, Явлинский представляет себе людей голосами. Согласно ему, общество основывается на свободе слова, и сейчас в России – тихо. Звучит только «официальное вранье».

Что делать? По Явлинскому, «общие ориентиры движения абсолютно ясны»:

Европейская система организации жизни, политики, экономики (к которой присоединились Польша, Чехия, Литва и другие, очень похожие на нас в прошлом страны) реальна и эффективна, несмотря на недостатки. Поэтому ответ на вопрос «что делать» по большому счету ясен. Сегодня главный вопрос для нас – как это сделать?

Россиянам надо оставить свое нынешнее жилье за собой – «развалины советской системы» – и переехать в новое. Ориентир движения – Запад, «европейская система организации жизни, политики, экономики».

Первый шаг: широкое общественное требование открытого доступа к политически значимым средствам массовой информации, прекращение неконституционной государственной цензуры.

Новое жилище для россиян строится под лозунгами: «Долой государственную цензуру!», «Долой коррупцию на телевидении!», «Официальную ложь – под суд!».

Аргументативная стратегия и образная система Явлинского вместе составляют адресату ясное представление о том, что основная проблема в сегодняшней России не столько дурная власть, сколько нынешняя система, которая делает такое применение власти возможным и поддерживает его. Российское общество после распада Советского Союза остается на месте – «на развалинах советской системы» – хотя оно должно было бы двигаться вперед. По Явлинскому, общество основывается на свободе слова, на серьезном разговоре между властью и людьми, на информационной открытости, на ответственности и чувстве меры власти. Сейчас общества в России нет.

7.3. Выводы

В заключение мы комментируем и сопоставляем политические тексты, проанализированные нами в предыдущей главе и делаем некоторые выводы. При этом мы используем теорию, представленную нами в начале работы.

Политическая интенция председателя КПРФ Г.А. Зюганова – это, без сомнения, доступ к власти, тогда как политическая интенция лидера «Яблока» Г.А.Явлинского остается в какой-то степени неясной, чуть не слабой. Зюганов использует прежде всего модели

прежнего тоталитарного языка с переменной знаков. Для тоталитарного языка характерно, например, то, что в позиции субъекта выступают имена, предполагающие или допускающие нереферентное прочтение типа *народ*. Дискурс прокоммунистической оппозиции традиционно содержит апокалиптические мотивы и нападки на власть, правительство. Это ясно наблюдается и в речи Зюганова. Абсолютные ценности «добра» и «зла» у него часто олицетворяются в образах «нас» и «наших оппонентов», когда противники могут находиться как вне, так и внутри страны.

Явлинский, со своей стороны, использует язык, лишенный признаков тоталитарного языка. Базой, объединяющей демократическую оппозицию, является система исповедуемых демократических ценностей, которая актуализирует в дискурсе соответствующие слова-концепты, как *свобода, демократия, права человека, и свобода слова*. Данный тип риторики связан с демократизацией политической жизни, созданием гражданского общества, приоритетом прав человека в политике. Это установка на прагматизм, проявляющаяся, например, в преобладании относительной шкалы оценки: «лучше – хуже». Это система доказательств, которая построена с опорой на логически непротиворечивых утверждениях, это открытость для возражения и спора. И Явлинский в своей статье делает акцент на переговоры, когда рассматривает, каким образом решить проблему терроризма.

Для Зюганова характерно апеллировать к чувствам аудитории с опорой на эмоциональную память. Он апеллирует к тому, что заведомо приятно его адресатам – к прошлому, к СССР. Он старается активизировать эмоциональную память, то есть заразить аудиторию тем или иным чувством, тогда как Явлинский апеллирует к нравственным представлениям своего адресата с опорой на коллективный опыт.

Политические деятели склонны искать исторические аналогии для актуальных событий и их участников. Говоря о сегодняшней ситуации, Зюганов во многом опирается на прошлое России и СССР. Привязывая новую, странную вещь, как терроризм, к чему-то простому, знакомому аудитории – СССР – он предлагает, чтобы проблемы современного общества были решены таким же образом. Зюганов в своей аргументации основывается на угрозе и резко упрощает действительность, тогда как Явлинский даже не старается упрощать. Явлинский как будто больше верит в сообразительность своего адресата – ведь он выбрал совсем абстрактную «систему» своим основным понятием в тексте. Зюганов

представляет новую, странную вещь – терроризм – знакомыми словами и терминами. Таким образом, далекая, странная и сложная аудитории ситуация привязывается к чему-то знакомому и обыденному. Из этого вытекает, что проблемы, связанные с решением ситуации, становятся такими же простыми. Явлинский даже не старается дать ясное, простое объяснение ситуации, а использует абстрактные слова, как «система».

Аргументация, которая касается каждого данного адресата, оказывается убедительной. В речи Явлинского в какой-то мере наблюдаются отдаляющие стратегии, то есть речевые стратегии, отдаляющие деятелей от самих действий и решений. У Зюганова местоимение «они» часто выступает в роли обобщенной номинации оппонента. Он старается аргументировать таким образом, чтобы адресату стало легко считать себя частью внутренне-текстового «нас». С помощью интимности и апелляции к чувствам Зюганов старается мобилизовать людей на поддержку своей точки зрения, тогда как Явлинский апеллирует к коллективному чувству нравственности своей аудитории.

Кажется, что Явлинский больше использует эксклюзивное «мы», которое намекает на то, что оратор необязательно собирается взяться за действие, указываемое глаголом-сказуемым. Доводы к этосу, часто используемые Явлинским, обязывают оратора ко многому, ставя его в определенную этическую позицию, а эта позиция должна быть соизмеримой как с его персоной, так и с его словами. Может быть, с помощью эксклюзивного «нас» он в какой-то мере отдаляет себя от ответственности действовать сам.

Резкое противопоставление «мы/другие» у Зюганова отождествляет его и аудиторию с чем-то общим, и в то же время оно выражает такой по стилю ход мыслей, с которым аудитории легко отождествиться в силу его предсказуемости. Проясненность личной позиции Зюганова и четкость противопоставления «мы-они» открывают для адресата возможность самоотождествления с ним и его мировоззрением.

Политическая речь никогда не бывает просто утверждением, констатацией какой-то точки зрения – это всегда полемика, реплика в споре с актуальными политическими

альтернативами. Кажется, что полемика в речи Зюганова более эксплицитна, чем у Явлинского. Зюганов как бы вызывает власть на дуэль, тогда как Явлинский вызывает *людей* действовать в строительстве демократического общества. Явлинский обращается не «наверх», а по горизонтали, ко всем членам потенциальной политической аудитории. Зюганов, со своей стороны, использует прежде всего модели прежнего тоталитарного языка и обращается больше «наверх», то есть первостепенный адресат полемики у него – власть. Основная точка полемики в данных текстах: *Что надо делать?* Согласно Зюганову, решение проблем – это возвращение в СССР, а по Явлинскому, демократия, свобода слова и права человека, то есть европейская система. Вторая точка полемики: *Кто виноват?* По Зюганову, это – власть, а по Явлинскому – нынешняя система. Кажется, что текст Зюганова направлен больше на полемику, чем текст Явлинского, который направлен на практику и общественное действие.

Что касается образных систем проанализированных политических текстах, нам кажется, что они резко отличаются друг от друга. У Зюганова образная система ясно выполняет функции доказательства, задает рамки, в которых проходит его рассуждение. Метафора в политическом тексте, как и любой другой риторический прием, полностью инструментальна, полностью подчинена основной функции каждого данного текста. Возможно, что речь Зюганова поэтому и окажется более убедительной, чем речь Явлинского, которая лишена значительной образной системы. Однако в речи Явлинского наблюдается несколько сильных понятий-образов, которые организуют восприятие всей информации, которая содержится в тексте. Они задают определенную, свойственную им систему ценностей, через которую преломляется сообщаемая информация. Эта иерархия ценностей становится априорными посылами, из которых Явлинский исходит в своих рассуждениях, в своем объяснении мира. У каждого большого общественного, политического движения, у каждой авторитетной идеологической системы формируется свой комплекс таких понятий-образов, с помощью которых они объясняют мир. Разным идеологическим комплексам соответствуют и разные образные комплексы.

Демократическим обществам свойственна большая зависимость «верха» от «низа». Изменение политической ситуации привело к существенным изменениям и самого политического дискурса. Когда его смотрят сквозь призму оппозиций

ритуальность/действенность(перформативность), монологичность/диалогичность, безадресность/адресованность, анонимность/персонифицированность, можно заметить, что для настоящего времени свойственно разрешение этих оппозиций преимущественно в пользу вторых членов. Для современной политической речи характерно возвращение ей собственно коммуникативных функций, то есть из речи ритуальной, из речи-декорации она превращается в речь действенную – таким образом, можно говорить о появлении реального политического диалога.

Один из самых существенных признаков того, что в России начинается «новое время» – это появление обычной политической полемики. Политическая полемика возникает в ситуации, когда появляется необходимость убеждения, когда довод силы перестает работать. Появилась социокультурная необходимость аргументировать. Именно через аргументацию осуществляется демократически оформленное участие граждан в принятии общественно значимых решений.

С распадом тоталитарной системы также в российской политической жизни появилась потребность в кооперации, которая реализуется через аргументации при обосновании мотивации тех или иных действий. Сегодня Россия в ситуации, где создаются новые тексты при сохранении прежнего культурного каркаса. Начавшийся с 1991 года распад тоталитарной идеологии пока не затронул ее глубинной структуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы рассматривали политическую риторику как особый вид риторики. Мы пытались понять особое свойство политической риторики и аргументации, и разобрать, как автору политического текста удается убеждать свою аудиторию в своей правоте, в том, что его точка зрения отражает и интересы аудитории. Мы старались также установить, какие приемы используют политические деятели, чтобы убедить своего адресата.

В теоретической части работы мы изучали политическую риторику и аргументацию, политический текст и его особенности. В первой главе мы обсуждали преобразования в российской политической сфере после распада тоталитарной системы. Во второй главе мы сосредоточились на теории риторики и техники аргументации и рассмотрели особые типы доказательств. Мы показали, что аргументация – это стратегия рассуждения и влияния. Речь идет о вероятности и стремлении к увеличению или уменьшению вероятности того или иного тезиса. Далее было показано, что в диалектическом рассуждении ищут принятие со стороны адресата утверждений, которые являются или могут являться спорными, то есть стремятся *уговорить* и *убедить*. В третьей главе затрагивалась проблема адресата политического текста и убедительность аргументации. Мы выяснили, что в основе аргументации лежит соглашение о предварительных договорах: без него главный тезис, предлагаемый оратором адресату, не может стать приемлемым. В четвертой главе мы углубили свои представления о политическом тексте и его особенностях. Мы рассмотрели некоторые речевые стратегии, используемые политическими деятелями, и далее отметили, что когда мы изучаем политический текст, перед нами – совещательная риторика, при которой эмоциональные аргументы получают гораздо большее оправдание, чем при судебной риторике. Мы отметили полемичность политической речи и то, что политический текст должен *мобилизовать* своего адресата для поддержки именно той точки зрения, которая изложена в тексте. Далее мы рассматривали образную систему как один вид доказательств в политической речи. В пятой главе обсуждалось проявление идеологии и власти в политической речи и, наконец, в шестой главе мы затронули вопрос о политической полифонии в современной России.

В исследовательской части мы проанализировали два текста политических деятелей современной России, председателя КПРФ Г.А. Зюганова и лидера партии «Яблоко» Г.А. Явлинского. Используя теорию, изложенную в первой части работы, мы рассматривали аргументативные стратегии и образные системы в обоих текстах. Мы попробовали разобрать, какие априорные посылки, ценности и ориентации стоят за утверждениями авторов данных текстах. В заключительной части мы сопоставили оба текста, провели дополнительные комментарии об их особенностях и сделали некоторые выводы.

Изучение политического текста и его особенностей, аргументации и риторики было очень интересно и увлекательно. Тема оказалась многообразной и, нам кажется, перспективной. Будет интересно далее следить за развитием политической жизни в России и вместе с тем наблюдать за развитием искусства политической риторики и убедительной аргументации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алтунян, А.Г. 1999: *От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Гаврилова, М.В. 2002: «Роль метафоры в дискурсе политика.» *Вестник СПбГУ*. Сер. 2, вып.1 (№ 2), с. 117-121.
- Китайгородская, М.В. и Розанова, Н.Н. 2003: «Современная политическая коммуникация.» *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация*. Москва: Языки славянской культуры, с. 151-166.
- Aarnio, Eeva 1997: ”Poliittiset kielet yhteisöllisyyden vahvistajana?” *Kielen vallassa. Näkökulmia politiikan, uskonnon ja julkishallinnon kieleen*. Toim. Mälkiä, Matti ja Jari Stenvall. Tampere University Press: Tampere, ss. 105-117.
- Fairclough, Norman 1995: *Language and Power*. Longman: New York.
- Haapanen, Pirkko 1996: ”Roomalaisten korkein taito. Johdanto antiikin retoriikkaan.” *Pelkkää retoriikkaa*. Toim. Palonen, Kari ja Summa, Hilikka. Vastapaino: Tampere, ss. 23-50.
- Kalliokoski, Jyrki 1996: Johdanto teoksessa *Teksti ja ideologia. Kieli ja valta julkisessa kielenkäytössä*. Toim. Kalliokoski, Jyrki. Hakapaino: Helsinki, ss. 8-36.
- Kuusisto, Riikka 1996: ”Sodan retoriikasta. Persianlahden ja Bosnian konfliktit läntisten suurvaltajohtajien lausunnoissa.” *Pelkkää retoriikkaa*. Toim. Palonen, Kari ja Summa, Hilikka. Vastapaino: Tampere, ss. 267-291.
- Mustaparta, Eila 1996: ”Juna, jolla ei ole paluuvuoroa. EY-metaphorat poliitikkojen retoriikassa.” *Teksti ja ideologia. Kieli ja valta julkisessa kielenkäytössä*. Toim. Kalliokoski, Jyrki. Hakapaino: Helsinki, ss. 168-183.
- Mykkänen, Juri ja Lautela, Antti 1996: ”Kone ja kampanja. Poliittisen järjestötoiminnan metaforat vuoden 1994 presidentinvaalissa.” *Pelkkää retoriikkaa*. Toim. Palonen, Kari ja Summa, Hilikka. Vastapaino: Tampere, ss. 243-266.
- Mälkiä, Matti 1997: ”Kieli, yhteisöllisyys ja valta. Näkökulmia alan tutkimusperinteen kehittämiseksi.” *Kielen vallassa. Näkökulmia politiikan, uskonnon ja julkishallinnon kieleen*. Toim. Mälkiä, Matti ja Stenvall, Jari. Tampere University Press: Tampere, ss. 17-48.
- Palonen, Kari 1997: *Kootut retoriikat*. Jyväskylän yliopistopaino: Jyväskylä.
- Palonen, Kari ja Summa, Hilikka 1996: ”Johdanto: retorinen käänne?” *Pelkkää retoriikkaa*. Toim. Palonen, Kari ja Summa, Hilikka. Vastapaino: Tampere, ss. 7-19.

Perelman, Chaim 1996: *Retoriikan valtakunta*. Suom. Lehto, Leevi. Vastapaino: Tampere.

Summa, Hilikka 1996: ”Kolme näkökulmaa uuteen retoriikkaan. Burke, Perelman, Toulmin ja retoriikan kunnianpalautus.” *Pelkkää retoriikkaa*. Toim. Palonen, Kari ja Summa, Hilikka. Vastapaino: Tampere, ss. 51-82.

Suojanen, Päivikki 1997: ”Etnografisia havaintoja politiikan ja uskonnon ammattikielistä Suomessa. Suostuttelevan viestinnän valta.” *Kielen vallassa. Näkökulmia politiikan, uskonnon ja julkishallinnon kieleen*. Toim. Mälkiä, Matti ja Jari Stenvall. Tampere University Press: Tampere, ss. 75-89.

Vihinen, Hilikka 1996: ”Maatalous tekstinä. Retoriikka maatalouspolitiikan tutkimisessa.” *Pelkkää retoriikkaa*. Toim. Palonen, Kari ja Summa, Hilikka. Vastapaino: Tampere, ss. 221-242.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Баранов, А.Н. и Караулов Ю.Н. 1993: «Политика как диалог.» *Наука и жизнь* (№3), www: http://www.ruthenia.ru/marginalia/mix_body.html (23.7.2004), с. 3-4.

Хазагеров, Г.Г. 2002: *Политическая риторика*. Москва: Никколо-Медиа. www: <http://evartist.narod.ru/text7/06.htm> (10.8.2006), введение: сс. 1-15, часть I: с. 1-13.

Чудинов, А.П. 2002: «Метафорическое моделирование в политическом нарративе ”Российские выборы на рубеже веков”». *Respectus philologicus* (2/7). www: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.htm> (10.8.2006), с. 1-12.

Корпус:

Зюганов, Г.А. 2004: «Мы можем сломить терроризм.» *Советская Россия* (№124). www: http://www.sovross.ru/2004/124/124_1_2.htm (10.8.2006).

Явлинский, Г.А. 2004: «Что случилось с Россией?» Официальный www-сайт Явлинского: <http://www.yavlinsky.ru/said/articles/index.phtml?id=1789> (10.8.2006).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"

№ 124 (12595), суббота, 25 сентября 2004 г.

Г.А.ЗЮГАНОВ:

МЫ МОЖЕМ СЛОМИТЬ ТЕРРОРИЗМ

После летних каникул в среду, 22 сентября начала работать Государственная дума РФ. С места в карьер (но лишь через три недели после событий в Беслане!) парламентская фракция пропрезидентской «Единой России» начала изображать рвение в борьбе с терроризмом. Лидеры «единороссов» сурово заявили, что первый день работы парламента будет посвящен исключительно этой теме.

При этом вполне в духе высказываний Путина о необходимости единства нации в борьбе с этим злом было сказано, что нужно объединяться всем. Но как дошло до дела — благие намерения куда-то испарились. Разумные и своевременные предложения депутатов из других фракций, прежде всего КПРФ, отвергались. «Единороссы» упорно проталкивали заранее подготовленные решения и недоумевали по поводу желания других депутатов что-то изменить: какие могут быть поправки, если «все согласовано» с Кремлем.

На этом малоутешительном фоне ответственно прозвучало выступление руководителя фракции КПРФ Г.А.Зюганова, который четко и убедительно проанализировал истоки трагедии в Беслане и внес конкретные предложения о том, что нужно делать в этих условиях. Предлагаем нашим читателям текст выступления Г.А.Зюганова.

Преступно и смертельно опасно рассматривать терроризм как одномоментное явление, как нечто, родившееся только сейчас, после того как оно залило детской кровью и наполнило страданиями страну. Терроризм — это всегда болезнь того общества, в котором он проявляется. Поэтому истоки терроризма надо искать в самом обществе, в его истории, нынешнем состоянии и в том направлении, в котором оно развивается под действием управляющих им сил.

Все попытки бороться с терроризмом лишь по следам совершенных преступлений, любые судорожные экстраординарные действия, любые истеричные заклинания и обещания властей не сегодня, так завтра все исправить и всех виновных наказать — либо абсолютная профнепригодность правящих сил, либо сознательный обман и стремление властей использовать политическую преступность в своих собственных целях. Чаще всего — как средство давления на общество, как повод для открытых либо маскируемых акций, направленных против оппозиции.

Всплеск терроризма — следствие развала СССР

Мировой опыт полностью применим для анализа современной российской ситуации. Для любого мало-мальски грамотного человека сегодня ясно, что волна терроризма, с головой захлестнувшая современный мир и смертельно душащая Россию, есть прямое

порождение невиданного преступления — разрушения СССР.

Даже недавние фанатики либеральной идеи не могут не видеть, что сегодня терроризм буквально сочится из всех пор созданной за последние 15 лет антинародной государственности.

Статистика говорит, что после распада СССР терроризм на планете вырос десятикратно, а на территории России — в сотни раз. Еще в середине 80-х годов существовал безусловный порядок: любое обращение к оружию со стороны правоохранительных органов рассматривалось, как вещь чрезвычайная и требующая особого расследования. За год в десятиmillionной советской столице милиционеры только 14 раз извлекали из кобуры табельное оружие. А стреляли еще реже. Причем по каждому использованному патрону заводилось отдельное дело и доводилось до конца.

А что сегодня происходит в Москве? От Каширки до Государственной думы на всех углах и перекрестках стоят люди в бронежилетах с автоматами. Каждую ночь в столице стреляют, каждую неделю — взрывают... Безопасность не гарантирована никому. Списывать все на Северный Кавказ и на трагические события типа Беслана бесчестно. Такие трагедии являются лишь следствием того хаоса, что творится в самой Москве, Кремле, во властных инстанциях всех уровней. Именно здесь та раковая опухоль российского общества, что дает свои метастазы повсеместно — от Северного Кавказа до Дальнего Востока.

«Единая Россия» ответственна за разрастание террора

На обещания властей чудесным образом все исправить уже никто не обращает внимания. Такие посулы стали своего рода обязателькой.

Год назад «Единая Россия» взяла на себя полноту ответственности за положение дел в стране, приватизировав аппарат и Государственную думу. И каков результат? Только за последний год в результате терактов в России погибло более тысячи человек. Это столько же, сколько потеряли США за полтора года войны в Ираке.

Никогда наши спецслужбы не несли таких потерь, как в Беслане. Здесь они потеряли 15 человек убитыми и 22 ранеными. А ведь известно, что во время штурма дворца Амина в Афганистане советские спецподразделения той поры потеряли лишь трех человек, двое раненых умерли потом. Иначе говоря, у нашей страны не только нет системы безопасности, но и достаточно квалифицированного руководства спецоперациями.

И все знают, почему. Мы помним, как в 1993 году группа «Альфа» была расформирована за отказ участвовать в преступном разгроме парламента. Сегодня наше общество пожинает кровавые и позорные плоды расправы над элитой силовых структур. Мы помним, как после каждого нового теракта исполнительная власть, «Единая Россия» ограничивались только соболезнованиями, не делая никаких выводов, не решая необходимые вопросы обеспечения спецподразделений необходимым вооружением, ресурсами, системой социальной защиты.

Осень 2004-го сродни лету 1991-го

Сегодня мы живем в государстве, у которого, по сути, нет границ, и поэтому оно

проницаемо для любых преступных и подрывных вторжений. Это государство не в состоянии себя элементарно защитить. А тут еще упорные попытки и дальше продолжать разрушительную политику так называемых реформ. Скоро начнут землю продавать на Северном Кавказе. Вот тогда-то все и запылает.

В сущности, Россия стоит на грани очередного общественно-политического и государственного краха. Многое напоминает ситуацию лета 1991 года: полная беспомощность власти, бесконечная симуляция ею якобы «решительных» мер, реальная сдача остатков собственных позиций уже не вовне, а внутри страны. Разрастание «горячих точек» в один громадный костер разрушающих страну событий.

Мы знаем, чего ждать дальше. Еще два-три теракта, подобных Беслану, и страна начнет рушиться по принципу домино.

Незащищенная инфраструктура страны — железные дороги, нефте— и газопроводы, система водоснабжения, а также множество опасных производств, включая ядерные погреба, — все это легкая добыча для террористов. События типа Беслана служат для них чем-то вроде наркотика вседозволенности. А для нынешней российской власти — паралитическим газом, лишаящим ее остатков воли и решительности. Погрязшая в симуляции «решительной» борьбы с терроризмом, увлеченная подавлением оппозиции исполнительная власть, похоже, не отдаст себе отчета, что еще две-три катастрофы типа той, что произошла в Беслане, и распад общества примет необратимый характер. Во всяком случае та система власти в стране, которая и так еле-еле держится, может рухнуть мгновенно, и собирать будет нечего. Поэтому мы говорили и говорим: необходимо предельно ответственно и честно смотреть на проблему терроризма, не пытаясь использовать ее для решения каких-либо узкополитических задач.

Какая война объявлена России

Россия оказалась сегодня под ударом сразу двух волн террористической активности — волны международной и волны внутренней, российской. России объявлена война, и вместе с тем эту войну определенные власть имущие круги стремятся превратить и в классическую войну гражданскую — против коммунистов, против всех патриотических сил. Дает о себе знать традиция государственного терроризма, которая тянется еще с расстрела парламента в 1993 году.

Не случайно ужасные кадры, заснятые в бесланской школе, так похожи на хронику расправы над защитниками Дома Советов. И то, и другое является плодом антинародной государственной деятельности людей, привыкших принимать глобальные решения, от которых зависят судьбы народа в узеньком кругу поделщиков. Эти люди лишены не только политического опыта и чутья, но они не знают и нашей истории. Им неведомо, чем может обернуться для России тот хаос на Северном Кавказе, который еще с горбачевских и ельцинских времен раздували псевдореформаторы. Раздували, одновременно уничтожая всю правоохранительную систему страны, превращая ее в «крышу» для криминала и чиновников, готовых на все ради присвоения всенародной собственности.

Что же, своей цели они достигли: страна в очередной раз поставлена на грань катастрофы. И никакими разглагольствованиями о консолидации и объединении этого не предотвратить, не победить преступность и бандитизм. Все лето говорили об угрозе терроризма, но вместо борьбы с ним власть расправлялась с единственной

оппозиционной партией страны — КПРФ. Вот вам и консолидация.

Казалось бы, власть давно должна была, как минимум, проанализировать ситуацию, выявить те силы, которые способствуют развитию террористической активности в стране, и принять по отношению к ним самые жесткие меры. Г-н Путин, неужели не понятна двойная игра тех, кого вы называете вашими друзьями и союзниками на Западе? Разве мы не знаем, кто стоит за террористами, окопавшимися в Панкиском ущелье в Грузии? Разве не известно, что центром интернетовской системы связи, обслуживающей террористов, является член НАТО — Литва? Разве секрет, что финансирование бандитов и руководство ими идет из Лондона, где обитает «друг Тони Блэр»? Все это известно. Но почему же тогда ничего не предпринимается властью для противодействия этим силам?

Борьба с оппозицией вместо борьбы с террором

Наверное, потому что у этой власти есть другой интерес — борьба, а может быть, уже и война с оппозицией, с коммунистами и патриотами. Иначе нельзя охарактеризовать такой вопиющий факт, как арест по смехотворному и надуманному обвинению с помощью ОМОН председателя Краснодарской гордумы, члена ЦК КПРФ Кирюшина А.И. Ветерана, честного, уважаемого человека захватили и связали прямо у него в кабинете в Думе. Более двух недель голодает в знак протеста против произвола руководитель крупнейшего города юга России, ежедневно в Краснодаре идут митинги и пикеты протеста, но ни парламент, ни прокуратура, ни милиция не реагируют. Ни одна, с позволения сказать, демократическая система власти не работает.

Как это назвать? Фашизм в действии, и никак иначе. Люди, облеченные властью, видят преступные действия против оппозиции в Краснодаре и молчат. Им будто и невдомек, что если сегодня расправляются с их коллегами, то завтра так же поступят и в отношении их самих. Поправление закона под вывеской борьбы с терроризмом — опаснейшая тенденция, прямо ведущая к установлению полицейского режима. Причем полицейского режима, направленного не против преступности и вооруженного экстремизма, а против рядовых граждан и остатков демократических свобод.

Спецслужбы должны быть спецслужбами, а не крышей для очередных политических операций и расправ над оппозицией.

Опыт СССР должен быть востребован

Сколько сказано с самых высоких трибун очень громких и демонстративно решительных слов насчет необходимости самых жестких наказаний для террористов. И тем не менее вопрос о восстановлении смертной казни для организаторов, заказчиков и исполнителей террористических актов, как говорится, и ныне там. Убийцы, загубившие жизни сотен людей, в самом крайнем случае получают пожизненное заключение. И вся страна оказывается обязанной их содержать.

Отказ от моратория на смертную казнь давно назрел. Я против того, чтобы убивать человека. Но за зло надо карать соразмерно. Иначе зло терроризма окончательно парализует страну.

Похоже, что нашей власти неведомо, как на деле надо бороться с терроризмом. Ей недосуг ознакомиться с колоссальным опытом борьбы с преступностью, включая

политический экстремизм, который был накоплен в нашей стране. Последнюю организованную преступную группировку — банду Митина в Москве — ликвидировали еще в 1956 году, и до прихода Горбачева с Ельциным в столице вообще не было организованной преступности. Я уже не говорю про опыт других стран — Франции, Италии, Испании, Ближнего Востока. Вспомните, как поступал де Голль, когда пришел к власти. В 1962 году в Париже каждый день взрывались две-три бомбы, царила паника, люди не знали, что делать и куда бежать. А он договорился с Законодательным собранием, приняли необходимые решения, в том числе и секретные. Открыли антитеррористическую кампанию, и в кратчайший срок от терроризма не осталось и следа. А ведь весь этот опыт нам в советскую пору был прекрасно известен. Его обобщали наши специалисты, на нем учились наши профессионалы. Убежден, что у нас еще остались классные специалисты по борьбе с терроризмом, прекрасно знающие, как проводить такие операции. Но где они? Куда их задвинули? Почему их опыт так упорно остается втуне? Это вопрос к президенту, к правительству, к министрам-силовикам.

Нужна смена курса

При нынешнем социально-экономическом курсе невозможно создание и содержание эффективной правоохранительной системы. Тридцать процентов нынешнего российского бюджета идет на силовые ведомства. Внешне это весьма солидная цифра. А на самом деле? Ведь бюджет-то этот мизерный, нищенский, позорный — 100 миллиардов долларов на всю огромную Россию, на 145 миллионов населения? Да на такой бюджет можно с горем пополам содержать лишь четверть россиян. Какая уж тут армия, какая госбезопасность, какая милиция?

Как может прожить участковый с семьей на четыре тысячи рублей, а следователь — на четыре с половиной тысячи? Причем даже этих денег у государства подчас нет, все растащили и продолжают растаскивать. Нынешний госбюджет необходимо самое малое удвоить. Но все отдается на откуп спекулянтам и олигархам. И после этого власть с серьезным видом изображает размышления насчет того, откуда ей взять деньги на борьбу с терроризмом и коррупцией.

Один пример: 10 октября исполняется сорок дней бесланской трагедии. Казалось бы, понятно, что надо удесятенить бдительность. Тут возможны самые серьезные провокации. Того гляди запольхают Дагестан, другие регионы. Тогда этот пожар не остановить, у власти для этого просто нет сил. А значит, уже сейчас необходима самая качественная профилактика ситуации. Она ведется? Большие сомнения на этот счет.

Власть не готова к отражению угрозы

Страна не понимает, откуда такой непрофессионализм и такая беспечность. Казалось бы, господа хорошие, соберитесь вместе, вызовите специалистов, проанализируйте обстановку, отработайте планы действий, подготовьте реальные меры. Но нет, ничего этого не происходит. Да, обсуждение проводится, в том числе и у президента. Выражается большая озабоченность обстановкой, произносятся правильные слова о том, что необходимо готовить соответствующие решения. А отдачи — никакой. И каждый новый шаг на пути эскалации террористической активности оказывается все более громким, разрушительным, кровавым. Так что становится очевидно: нынешняя власть к объявленной войне терроризма против России абсолютно не готова.

Тем более что речь идет о войне нового типа. Войне не просто автоматов и пушек и даже не о войне моторов, какой была Вторая мировая, а о войне умов, новейших технологий и информационных систем, глобальной психологической войне.

Имитация «решительных шагов», которой занята сегодня власть, не в состоянии дать необходимого результата. Все эти меры являются, как и прежде, банальной ширмой, скрывающей бессилие существующей власти и всей общественной системы, навязанной стране.

Предложения Путина неадекватны ситуации

Президент Путин предложил недавно три меры: назначение президентом губернаторов (с одобрения законодательных собраний регионов), проведение выборов по партийным спискам и создание Общественной палаты. Но что все это может на самом деле дать для отражения террористической угрозы, укрепления государства?

Повысить эффективность деятельности глав регионов? Но если прежние губернаторы и президенты, как правило, проталкивались в кресло с благословения Кремля, то нынешние будут в эти кресла уже практически назначаться. Желаящим представить себе коллективный образ будущих губернаторов рекомендую посмотреть на спикера Совета Федерации г-на Миронова и его палату, и тогда все станет ясно.

А выборы по партийным спискам без утверждения положения о том, что победившая на выборах партия формирует правительство, так и останутся фикцией. Всевозможные кремлевские сурковы как назначали практически на руководящие посты нужных им людей, так и будут их назначать. Назначаемость губернаторов вообще никогда не решала крупных общественных проблем. Скажем, у нас, в России, до 1917 года губернаторы и генерал-губернаторы тоже назначались. Ну и что? Проиграли две войны, разрушили державу, потеряли империю. Авторы этой реформы забыли, что и Ельцин в первые годы своего правления тоже назначал глав регионов. Помните, какое жулье пришло тогда к власти?

Никакие полицейские меры, никакая назначаемость губернаторов проблемы не решат. Все это заплатки на дырявый коррумпированный костюм государственной власти!

Предложения КПРФ по укреплению государства

Мы считаем, что государственная реформа в стране должна проводиться всерьез.

Во-первых, должно быть законодательно принято решение, согласно которому партия, победившая на выборах, формирует ответственное правительство. Во-вторых, необходимо произвести перераспределение полномочий от президентской власти к парламентской. В-третьих, парламент должен быть наделен функциями контроля за исполнением законов и действиями правительства. Вот в этом случае назначаемые президентом его представители в регионах будут вполне уместны и эффективны. В сферу их полномочий должны быть переданы: обеспечение единства страны, соблюдение конституции, защита прав и свобод граждан.

Тогда и Общественную палату можно будет создавать, причем настоящую, а не такую, как планируется сейчас. Ведь есть же позорный опыт той палаты, которую в свое

время возглавлял Рыбкин. Да и другие новации в этом духе были не лучше. Кого собирали все эти палаты? Все ту же публику, которая трется вокруг «партии власти» и которую раз за разом отбирают во все возможные структуры все те же сурковы и вешняковы. Вот когда будут у нас полноправные партии, авторитетный и ответственный парламент и подконтрольное ему правительство, вот вокруг них и можно будет собрать Общественную палату не из мелких карьеристов, а из серьезных и ответственных людей.

Опора на созидательную энергию русского народа

И наконец, русский вопрос. Власть либо обходит его, либо отделяется клоунадой, либо пускается в более или менее откровенные русофобские выражения. Она боится этого вопроса. Что и понятно: русских в России сегодня 82 процента. Плюс к ним украинцы и белорусы. Это основа российского общества, которая в наибольшей мере страдает от нынешнего положения вещей.

Нельзя говорить о возрождении Российского государства, отрекаясь от русского вопроса. Пока русский дух, русская культура и русская история не начнут вновь выполнять свою роль базиса нашего общества, страна не выберется из той ямы, в которую ее столкнули либеральные горе-реформаторы. Тем более что именно русофобия сегодня является тем стержнем, вокруг которого генерируются и антиарабские, и антиисламские и прочие разрушительные настроения. Именно она служит почвой для разного рода провокаций на межнациональной почве.

И, конечно же, огромную роль здесь играют средства массовой информации. Обратите внимание: самыми любимыми для наших СМИ темами были и остаются две: информационная чернуха — где кого убили, распяли, ограбили, а во-вторых — «жития» «партии власти» и ее представителей. Если посмотреть на наши телеэкраны и послушать радиопередачи, то невозможно понять, а как, собственно, живет страна — что производит промышленность, сколько собирается урожая, какие технические новинки появились, какие картины написали художники и сколько открытий сделали ученые. Созидательная сторона жизни наши СМИ не интересуется. При этом их руководители очень любят ссылаться на якобы западный опыт. А это откровенная ложь. Посмотрите хотя бы «Евро Ньюс». Там есть информация и о производстве, и о науке, и о культуре.

Наше государство должно принципиально изменить свою информационную политику. В телеэкрane народ должен видеть свою жизнь, свои духовные и национальные корни, а не тупую пропаганду, бесконечные игрища и бездарные поделки.

Мы можем сломить терроризм. Решение проблемы терроризма возможно только при условии отказа от той губительной политики во всех отраслях, которая ведется на протяжении последних полутора десятков лет. Мы предлагаем обществу настоящую альтернативу. Только на этом пути возможно действительное решение всех проблем, в том числе и терроризма.

[В оглавление номера](#)

http://sovross.ru/2004/124/124_1_2.htm

http://www.cprf.ru/news/party_news/26892.html

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Что случилось с Россией? (полная версия)

Статья опубликована в газете "Ведомости" в сокращенном варианте 17 сентября 2004 года

Нельзя дальше жить так, как будто ничего не случилось, только потому, что беда не коснулась лично тебя или твоих близких. Уже коснулась. Можно, конечно, спрятаться от наводнения под диваном, но через какое-то время вода придет и затопит и тебя, и диван.

События таковы, что важно обдумывать их спокойно и незэмоционально. Проблема российского терроризма такая сложная и запутанная, что разобраться в этом можно лишь непредвзято и с помощью логики. А цена ошибок теперь вырастает многократно.

*

*

*

Террористические атаки, в результате которых гибнут безвинные и безоружные люди, дети, женщины не имеют в принципе никаких оправданий – ни политических, ни моральных, ни религиозных, ни идеологических.

Операция по освобождению заложников **всегда** имеет только одну главную и единственную цель – спасение жизни людей.

Все остальные цели – наказание террористов, государственный престиж, личные амбиции и т.п. – вторичны. Штурмы возможны лишь как самое последнее средство и только в случае, когда нависает смертельная угроза жизни заложников.

В ситуации Беслана федеральный центр вразумительно приоритеты не сформулировал: главная и единственная цель – спасение заложников и в первую очередь – детей.

Не был на месте событий создан штаб с реальными и абсолютными полномочиями. Не был назначен такой начальник штаба, который имел бы право и был бы обязан принимать **любые** решения с целью спасения жизни заложников, включая и рекомендации о том, нужно ли и в какой форме участвовать в этом процессе лично президенту.

Не было и политического решения Кремля о переговорных контактах. Поэтому не состоялись возможные контакты Аслаханова, Дзасохова, Зязикова с террористами. Это удалось только Руслану Аушеву. Контакт завершился относительно удачно, но не имел продолжения.

Президент не нашел никого ни в ФСБ, МВД, МО или Совете Безопасности, кто мог бы руководить операцией. Он был вынужден принимать не только политические, но и многие тактические и технические решения по операции (включая и переговорные контакты – кому ходить в захваченную школу, а кому не ходить) и, вместо специально созданного штаба в постоянном диалоге с террористами по существу оказался сам президент.

Думаю, президент понимает, что несет огромную ответственность за случившееся.

С оперативной (военной) точки зрения ситуация была сверхсложной: большая часть заложников – дети, общее число заложников – более тысячи. До последней степени перевозбужденное население города и окрестностей, которое в сложившихся условиях

невозможно было изолировать. Кроме того, на месте событий появились вооруженные штатские люди и какие-то группы боевиков, которые, опасаясь штурма по типу Дубровки и именно этим объясняя, почему официальные власти сообщают численность заложников почти на тысячу человек меньше, не подчиняясь общим указаниям, пытались сами справиться с освобождением заложников.

Затяжка времени предопределила неожиданный срыв всей ситуации. Что явилось непосредственной причиной: случайный взрыв в школе, неуправляемые действия пришедших боевиков по обстрелу школы или что-то еще - уже не принципиально. В результате начался хаос и тяжелый длительный бой, закончившийся катастрофой. Сложность ситуации была беспрецедентна высокой. В условиях политической невнятицы, нерешительности и проволочек - трудно представить, какой спецназ мог бы с этим справиться.

*

*

*

Конечно, составной частью трагедии явился международный терроризм, но это не главное. Списывать все на внешние факторы - значит прятаться от проблемы и никогда не исправить ситуацию.

Пятнадцать лет политики унижения, укрощения, обмана, подавления народа в Чечне не могут не иметь трагических последствий. Такая ситуация не позволяет сделать положительный прогноз для России.

Необходимость содержательной и ответственной экономической политики для всего северокавказского региона очевидна. Необходимы рабочие места - сегодня безработица там доходит до 80%, дороги, современная инфраструктура, образование, медицина. Короче говоря, необходимо, чтобы Северный Кавказ был на среднероссийском уровне. Это дорого - по нашим расчетам 6-7 % ВВП в течение 10-15 лет. Но в противном случае Россия расстанется с Кавказом или события там развалят саму Россию.

*

*

*

Невозможно решение проблем на Северном Кавказе без последовательной и настойчивой демократизации жизни людей. Это означает, что именно они должны реально все больше и больше определять, кто будет ими управлять. Продолжение насилия из федерального центра не имеет перспективы.

Необходимо немедленное прекращение бесчинства силовых структур - исчезновения людей, пыток, издевательств, убийств, карательных операций. Важнейшее дело - создавать для России друзей на Кавказе, а не новых врагов. Иначе парад "шахидов" не закончится никогда.

Нужны ли переговоры? Переговоры нужны всегда и везде. И в первую очередь, с теми, кто является вашими политическими противниками или даже врагами. И, конечно, с теми, кто играл активную роль на всех последних выборах, но был отодвинут в тень по указанию Москвы. Политические переговоры (это не переговорные контакты о заложниках!) не ведут с убийцами, похитителями людей и участниками террористических акций. Отделить эти группы трудно, но абсолютно необходимо.

Повестка дня переговоров может быть любая, но проходить они могут только на основе российской Конституции и российских законов.

*

*

*

Скоро исполнится 10 лет с того дня, как Борис Ельцин развязал войну на Северном Кавказе и 5 лет, как Владимир Путин при поддержке так называемых «правых политиков» («В Чечне возрождается российская армия») и значительной части СМИ ее продолжил. Итог ясен – война разрушает Россию и сливается с международным терроризмом.

Черета терактов подтвердила наличие в стране системной проблемы. Меры технического характера – комиссии по расследованию нашего Совета Федерации, назначение губернаторов, народные дружины, отставки силовиков или региональных правительств и тому подобное, не только недостаточны, – они втягивают нас в бессмысленную имитацию деятельности, амортизируют общественное мнение. Продолжать апеллировать к бутафории демократии с частными требованиями – значит укреплять недееспособную систему еще и своим собственным участием.

Это не значит, что не нужна смена кадров в правоохранительных органах или спецслужбах или что не следует укреплять режимы проверки и контроля. Все это нужно, но в наших условиях все это традиционное скольжение по поверхности не решающее проблему безопасности. Чтобы пытаться противостоять терроризму надо существенно менять ту политическую и экономическую систему, которая сложилась в России в последние 10 лет.

Система эта для нас не новая, у нее, по крайней мере, семь признаков – фактическое отсутствие в стране: независимых политически значимых СМИ; самостоятельного выражающего интересы различных слоев общества парламента; независимой юстиции, подчиняющихся только закону суда и прокуратуры; гражданского контроля за спецслужбами и правоохранительными органами; справедливых выборов; полное слияние бизнеса и власти; клановое управление страной.

Понятно, что органическим свойством такой системы является очень значительная коррупция, подавление независимых политических партий и мнений, атомизация и примитивизация гражданских организаций.

Что может быть официальной публичной составляющей такой системы? Только **ложь и умолчание**. Мы видим это каждый день. Свободу слова, которая у нас была в начале 90-х, обменяли на деньги, собственность, власть.

Система эта сложилась неслучайно. Ее осознанно, умышленно строили под лозунгами «У нас как в Китае», «Нам еще рано», «У нас такой народ», «Пока нужно так, а потом сделаем по-человечески», «Мы еще не дозрели», «Демократия – не для России». Занимались этим, кстати, наша доблестная элита, в первых рядах которой шли многие известные журналисты, политологи, пиарщики, политики, чиновники, олигархи и прочие под управление вначале Бориса Ельцина, а затем с особым успехом – Владимира Путина. Это называлось: «управляемая демократия», «вертикаль власти», «стабильность», «сильная власть», «популярный президент», «единство страны», «третий путь», «Евроазия», «многополярный мир»...

Эта система полностью устраивает узкий круг людей, назвавших себя государством, успешно обслуживает их экономические интересы. И естественно, что спецслужбы и правоохранительные органы «заточены» обеспечивать безопасность этой группы лиц, а граждан страны они защищать от опасности, в том числе и от терроризма, не приспособлены.

Поэтому важно не столько то, что именно случилось, и кто именно совершил те или иные конкретные поступки или принял решения, а то, что вся система сработала на защиту власти, ее приоритетов, ее амбиций, ее интересов, а не людей, не детей.

В нынешней системе так происходит всегда автоматически, будь это террористическая

атака, экономический дефолт или война в Чечне.

Режим, действующий на основе принципа достижения политических побед любой ценой и объявления поражений победами во имя сохранения престижа образа государственной власти, развивает радикальные настроения, вызывает скрытый рост преступности и экстремизма, который прорывается наружу в самых отвратительных формах.

Кому власть готовит площадку? Кто может прийти на ее место, кто разделается с ней, обвинив во всем, что происходит? Судя по предпосылкам, по набору инструментов подготовленных для взятия власти в авторитарной системе, где всем в стране управляют из одной комнаты, это вполне может быть фашиствующая группа. Захват командных высот для них будет делом одного дня. Бюрократия даже не пискнет.

И так называемый, Запад, промолчит, а может быть, даже хлопнет в ладоши раз-другой. Как же: ОМУ – здесь, энергетические ресурсы – тоже самые большие в мире. Поэтому для Запада – «Лишь бы не было войны».

Вывод понятен: сложившаяся сегодня в России политическая и социально-экономическая система не способна защитить страну от терроризма, создавать конкурентоспособную современную экономику, обеспечивать достойную жизнь в нашей стране. Косметические меры, отставки и назначения, комиссии и указы не помогут.

*

*

*

Однако проблема заключается не только в этом. В условиях жизни на развалинах советской системы, под руководством худшей части советской номенклатуры и ее выдвиненцев, при полном сломе всех нравственных и культурных координат, массированное целенаправленное манипулирование и оболванивание людей дало результат. К сожалению, именно такая система адекватна стране, тому, что называется современным российским обществом, и, кроме того, отражает еще и некоторые весьма существенные мировые тенденции.

Жизнь после Беслана показывает чрезвычайно горькую вещь – не только гражданского, вообще общества в стране, похоже, нет. Люди хорошие есть, их много, а общества нет. Сейчас везде говорят только про Беслан. Как будто не было взрывов в Москве, гибели пассажиров самолетов, не вспоминают Ингушетию, Дубровку и все то, что за эти годы произошло в Чечне. Привыкание и страх перед властью диктует линию поведения абсолютного большинства – покорность и всеядность.

В такой ситуации систему менять некому. Политика – такой вид человеческой деятельности, который апеллирует к общественным устоям: морали, нравственности, идеям, культуре. Иногда временное забвение устоев компенсируется динамичным экономическим развитием, но в условиях, когда устои подвергаются испытаниям и не выдерживают их, политика в современном смысле, утрачивает свое значение.

Что случилось с Россией? Она утонула. Во лжи и цинизме.

*

*

*

Но жить надо дальше и пытаться выплыть. Не идти ко дну в этом море лжи и цинизма также совершенно необходимо. Есть люди, их не мало, которые без этого просто не могут существовать. Однажды глотнув правды и свободы, понадеявшись на возможность жить в России, соблюдая человеческое достоинство, они стали внутренними «невозвращенцами».

Общие ориентиры движения абсолютно ясны. Наша Конституция (при всех ее существенных недостатках) предполагает: реальное разделение властей на представительную, судебную, исполнительную власти; общественное телевидение и отмену государственной цензуры; гражданский контроль за деятельностью правительства, спецслужб, правоохранительных органов; неприкосновенность частной собственности, справедливую конкуренцию.

Можно перечислять и дальше. Европейская система организации жизни, политики, экономики (к которой присоединились Польша Чехия, Литва и другие, очень похожие на нас в прошлом страны) реальна и эффективна, несмотря на все недостатки. Поэтому ответ на вопрос «что делать» по большому счету ясен. Сегодня главный вопрос для нас – как это сделать?

*

*

*

Первый шаг: широкое общественное требование открытого доступа к политически значимым средствам массовой информации, прекращение неконституционной государственной цензуры.

Критически настроенные политики, представители гражданских организаций, добросовестные интеллектуалы, известные люди из российских регионов должны иметь возможность систематического прямого диалога с людьми, избирателями, со страной. Необходимо, пускай для начала монолог в адрес самой высшей власти.

Это позволит высказывать людям разные точки зрения на то, что происходит в стране, объяснять природу терроризма в России, говорить о коррупции, теневой экономике, о предательстве в спецслужбах, о деле ЮКОСа и о других запретных сегодня темах. Нужно **требовать** информационной открытости в стране, того, чтобы не смели подавлять любые разумные голоса, которые не совпадают с официальной точкой зрения, прекратили пропаганду виртуального благополучия. В то же время, нужно быть готовыми к тому, что телевидение будет сознательно маргинализировать роль общественного мнения с помощью политических провокаторов, интриганов или болтунов-балбесов.

Необходимо для начала добиться впервые за последние годы серьезного разговора, о котором могла бы знать страна. Конечно, условием такого разговора является возможность получения информации о реальных фактах, он не может быть построен на сообщениях о том, что в школе 354 заложника. Надо бороться за то, чтобы люди понимали и заставили власти признать, что военные корреспонденты российских СМИ – не агенты террористов или боевиков, а взрослые и ответственные люди, настоящие патриоты, которые сами могут принимать решения. И перестать затыкать им рот, когда они хотят сказать людям, что в школе не 354, а более 1200 заложников, что у школы стоит толпа вооруженных неконтролируемых людей и это рано или поздно кончится катастрофой.

А еще, телевизионщики должны иметь право не только цитировать официальное вранье, что главная версия катастрофы двух одновременно взорвавшихся самолетов – техническая неисправность, но и делать собственные выводы в эфире.

Нужна нарастающая массовая уличная кампания против лжи и за свободу слова. Эта кампания сможет объединить тех, кто считает себя или действительно является оппозицией. Придумать лозунги такой кампании – не сложно: «Долой государственную цензуру!», «Долой коррупцию на телевидении!», «Официальную ложь - под суд!»

Продолжением сможет стать и дискуссия с участием первых лиц государства, и круглый стол с ними, и первые честные выборы. Но это потом. А пока нужно просто дать людям говорить и слушать. В ходе открытой не манипулируемой, не кастрированной

общенациональной дискуссии постепенно может быть выработана идея страны, основанная на свободе, ответственности, чувстве меры.

14 сентября 2004 года

<http://www.yavlinsky.ru/said/articles/index.phtml?id=1789>